

*Новосибирское
Пушкинское общество*

*Пушкинский альманах
выпуск 23*

**Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2017**

ББК 94.3

П-914 **Пушкинский альманах. Выпуск 23** /Под общей ре-
дакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское Пушкинское
общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт»,
2017. – 116 стр.

ISBN

*Все статьи Пушкинского альманаха печата-
ются в авторской редакции.*

© Издательство «Манускрипт», 2017

Пушкин и мы

A. С. Пушкин

Стихи, сочиненные ночью во время
бессонницы...

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

Владимир Ястrebов

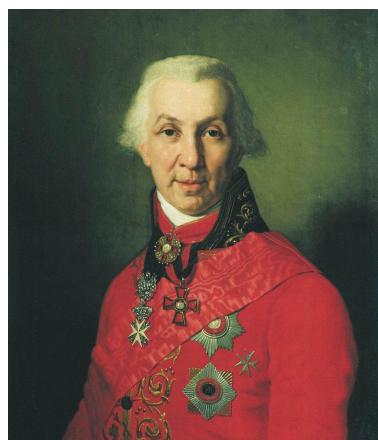
«Славный старец наш»

*Державин и Петров героям песнь бряцали
струнами громкозвучных лир.*

А.С. Пушкин

В 2016 году исполнилось 200 лет со дня кончины русского поэта Гавриилы Романовича Державина (1743–1816). Он являлся самобытным поэтом, представителем русского классицизма. Его перу принадлежат торжественные оды, проникнутые идеей сильной государственности, включая сатирические на вельмож, пейзажные и бытовые зарисовки, философские размышления, автобиографические записки, лирические стихи и другие произведения.

Г.Р. Державин родился 14 июля (3 июля по ст. ст.) 1743 года в родовом имении в д. Кармачи Казанской губернии. После первоначального домашнего обучения грамоте и немецкому языку под руководством церковников и ссыльных (за неимением учителей), Гаврила на четвертом году уже умел читать. В 1759 г. Державина отдали в Казанскую гимназию. После трех лет пребывания в гимназии ему пришлось ее бросить, т.к. в 1762 г. пришло требование,

В. Боровиковский. Портрет поэта Г.Р.Державина

чтобы он явился в Преображенский полк. Впоследствии Державину не пришлось пополнить своё образование, и отсутствие его сказывалось во всей его поэзии.

Судьба Державина равно достойна исторического романа и приключенческой повести. Принадлежал он к древнему дворянскому роду, истоки которого мы находим в XV веке, когда из Большой Орды приехал в Москву пытать счастья на службе у великого князя Василия Темного татарский мурза Багрим. Один из его потомков получил прозвище Держава, от него-то и пошли Державины. Они владели под Казанью «недурными» поместьями, но с течением времени земли все больше дробились, их владельцы нищали, и дворянина Гаврилу Державина можно было назвать помещиком весьма условно: по разделу отцовского наследства ему достались клочок земли и десяток крепостных.

О биографии и всех превратностях судьбы повествуют «Записки из известных всем произшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гавриилы Романовича Державина». Примечательно, что Державин создавал «Записки» о своей жизни в поворотный для России 1812 год. В дальнейшем он к ним уже не возвращался (за исключением небольших правок, которые, как предполагается, он мог внести в 1813 г.). В этой статье будут неоднократно цитироваться «Записки».

В самом начале их Державин описывает факт, «что когда в 1744 г. явилась большая, весьма известная ученым свету комета, то при первом на нее взирении младенец (Гавриил), указывая на нее перстом, первое слово выговорил: Бог!». К этим строкам Державин сделал особое примечание: может быть, Провидением были предсказаны, во-первых, трудный путь его жизни, во-вторых, что напишет оду «Бог».

Державину исполнилось 19 лет, когда он был причислен рядовым в Преображенский полк. В составе этого воинского

формирования он принимал участие в государственном перевороте, в результате которого трон достался Екатерине II. В 1773 г. крестьянское восстание, возглавляемое Пугачевым, захватило приволжские земли. Державин с отрядом был послан в южные районы Саратовской губернии на подавление бунта. Здесь Державин развел энергичную следственную деятельность. Со знаменитым главарем восставших он так и не столкнулся, но и особых наград или привилегий не получил.

Державин испытывал затруднения в повышении звания. Только в 1763 году он решился прибегнуть к покровительству майора А.Г. Орлова. В результате был пожалован в капраны. В Петербурге Гаврила, общаясь с сослуживцами, «своими братьями-дворянами, упражнявшимися в карточной игре и прочих шалостях, молодым людям свойственных, начал по-малу в нравах разворачаться».

В 1767 году Державин получил звание сержанта и отпуск на родину в Казань. Матушка собрала денег и поручила сыну купить у господ Таптыковых на Вятке небольшую деревушку душ на 30.

Возвращаясь в полк, Державин остановился в Москве у двоюродного брата господина Блудова, который с другим родственником, подпоручиком Максимовым, вовлек его сперва в маленькую, а потом и большую карточную игру. В результате Гавриил проиграл полученные от матери деньги на покупку деревни. Родственник одолжил Державину деньги, но на таких кабальных условиях, что и деревня и материнское имение оказались в залоге у Блудова.

Попав в такую беду, Державин ездил день и ночь по московским трактирам, искал карточную игру в надежде на выигрыш. «Спознакомился с игроками или, лучше с прикрытыми благопристойными поступками и одеждой разбойниками; у них научился заговорам, как новичков заводить в игру,

подборам карт, подделками и всяким мошенничествам. Но благодарение Богу, что совесть или, лучше сказать, молитвы матери никогда его до того не допускали, чтоб предался он в наглое воровство или коварное предательство кого-либо из своих приятелей, как другие делывали...

Если же случалось, что не на что, не токмо играть, но и жить, то, запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом иногда свете полуничной сальной свечки, или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставней».

Будущий поэт был не раз на грани жизни и смерти. Впрочем, история Державина типична для того времени. Карты считались самым соблазнительным способом легкой наживы.

В этот же период его пытались втянуть в подделку векселей. Это был хозяин притона, который подделывал вексели на весьма крупную сумму. Хотя по роду благородный, знатной фамилии, но по поступкам самый подлый человек, который содержался в юстиции именно за его грязные дела. Его жена – прекрасная иностранка, торговавшая с ведома мужа своими прелестями. «В нее влюбился некто приезжий пензенский молодой дворянин, слабый по уму, но довольно достаточный по имуществу». Жена хозяина без милости обирала молодого дворянина, так что пришлось ему заложить свое и материнское имение, и он лишился самых необходимых ему вещей.

А так как этот дворянин был хорошим приятелем Державина, то он решил уберечь его от дальнейшего несчастья. Будучи в компании с мужем, он дал ему «почувствовать» поведение жены, сделав вид, что не знает об их сговоре. Муж затаил на него злобу, т.к. срывалось окончательное ограбление дворянина. Муж пригласил Державина в гости на квартиру жены, чтобы поколотить или убить его. Для этого подговорил людей. Когда Державин вошел в покой, то увидел за ширмами двух

сидящих незнакомцев, а третий (офицер) лежал на постели с орясиной (дубиной).

Этот офицер оказался знакомым Державину. Недавно он наблюдал за неудачной игрой офицера на бильярде в трактире, и подсказал ему, что его обыгрывают шулеры, используя поддельные шары, тем самым выручил его.

Между тем муж начал придиরаться к словам Державина, затеял скандал и начал кивать головой людям за ширмой, чтобы исполнили свое дело. Против всякого чаяния, лежащий сказал: «Нет, брат, он прав, а ты виноват, ежели кто из вас тронет его, то я вступлюсь за него и переломаю вам руки и ноги». Этот человек был приземистый, всех проворнее и сильнее и имел при себе орясину. Хозяин и все соумышленники опешили. Не удалось прибить Гаврилу. Спасителем оказался господин землемер, недавно приехавший из Саратова, поручик Петр Алексеевич Гасвицкий. Он был благодарен Гавриле за подсказку и защитил в опасный момент.

Пока происходили эти события, Гаврила стал дезертиром, т.к. просрочил отпущенное ему время отпуска.

К описанным уже эпизодам добавилась крайне неприятная история, когда его пытались насильственно женить на дочке дьякона, известной легким поведением. Ее родители преследовали и дочь, и Державина, заставляя признаться. Неделю его продержали в арестантской, но, не получив никаких доказательств, выпустили. Причем в домогательствах участвовали не только полиция, но и судьи.

Такая жизнь стала невыносимой, и в марте 1770 г., заняв у приятеля матери 50 рублей, «бросился опрометью в сани и поскакал без оглядки в Петербург». В Твери его задержал один из прежних приятелей, человек беспутной жизни. Издержав все деньги, Державин от него отделался. Еще 50 рублей он занял по дороге, но и их тоже проиграл в новгородском

трактире. Остался у него только один неразменный рубль, полученный от матери, и который он в течение всей жизни берег. Долгое отсутствие в Преображенском полку ему помогли замять влиятельные люди.

В Петербурге он занял 80 рублей у давнего своего приятеля Г.Н. Неклюдова. На эти деньги выиграл две сотни рублей у господина Протасова, заплатил долг. Продав сержантский мундир, купил английские сапоги. Жил он тогда в маленьком деревянном доме на Литейной, в доме господина Удолова, имел любовную связь с дамой хороших нравов. Она не отпускала его от себя уклоняться в дурное знакомство, и он постепенно исправлял свое поведение. В карты играл «по необходимости для прожитку».

Получив 7 тысяч рублей из провиантской канцелярии князя Голицына, потратил их на приобретение нужных вещей: одежду, экипажа и прочего. Осталось у него 50 рублей. Куда их приложить? Решился поискать счастья в игре, которую в то время славился лейб-гвардии Семеновского полка капитан Никифор Михайлович Жедринский. В первый вечер выиграл у него до 8000.

Потом в октябре 1775 г. у графа Апраксина и прочих выиграл до 40 тысяч рублей. Но такое счастье продолжалось не более месяца, после чего фортуна переменилась, и он всю сумму проиграл.

Игра в карты пригодилась Державину после того, как его уволили с воинской службы «за неспособностью». Оказавшись в статской службе, Державин ищет знакомства со знатными людьми, могущими содействовать получению выгодных мест. В этом отношении ему помогло знакомство с князем Вяземским, генерал-прокурором России, особо доверенным лицом Екатерины II. Державин проводил с князем целые дни в игре в вист, хотя никогда играть в нее не умел.

Таковым поступком понравился князю и приобрел его благоволение.

Писать Гавриил Романович начал еще в гимназии. В казармах он читал произведения немецких писателей: Клейста, Геллерта, Клопштока, даже переводил стихами его «Мессиаду», швейцарца Галлера, писавшего на немецком языке.

В расцвете своей литературной славы Державин не без удовольствия рассказал в своих «Записках» эпизод, когда зимой 1793 г. он – солдат Преображенского полка в роли вестового принес служебный пакет офицеру Козловскому. Тот в это время читал поэту Василию Ивановичу Майкову свою трагедию. Державин, на досуге писавший стихи, исполнив поручение, остановился в горнице послушать: он первый раз в жизни встретился с писателями. Но Козловский, заметив непрошенного гостя, сухо сказал: «Поди, братец, служивый, с Богом, что тебе попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь».

Этот примечательный случай показывает, как увлеченный поэзией Державин невольно испытал вдохновение и продолжил свое совершенствование в литературном творчестве.

Первым оригинальным произведением Державина, появившимся в печати в 1773 г. была ода на первое бракосочетание великого князя Павла Петровича. Державин издал «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читаласе». Здесь были, кроме переводов, оды «На смерть Бибикова», «На знатных», «На день рождения ее величества» и др. Первые произведения Державина были подражанием Ломоносову. В дальнейшем он принял за образец оды Горация. «С 1779 г. – пишет Державин, – я избрал совершенно особый путь, руководствуясь наставлениями и советами друзей моих». Свои оды он помещал преимущественно в «Санкт-Петербургском вестнике» без подписи: «Песни Петру Великому» (1778), эпистола Шувалову, «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «На рождение

порфирородного отрока» (1779) и др. Все эти произведения своим возвышенным тоном, блестящими, живыми картинами обратили на Державина внимание любителей литературы, но не общества. В «Собеседнике любителей русского слова» Державин опубликовал «Благодарность Фелице», «Видение Мурзы», «Решемыслу» и, наконец, «Бог». Последним стихотворением Державин достиг апогея своей славы.

В 1782 г. известность Державину создала ода, изменившая дальнейшую его биографию, посвященная «киргизско-кайсацкой царевне Фелице». Ода так и называлась – «Фелица».

В оде Державин изображает киргизского мурзу, посвящающего свою лиру Фелице. Мурзой автор именовал себя, а императрицу – Фелицей и киргизской царевной. Поводом для этой оды послужила сочиненная императрицей сказка «Царевич Хлора», которого Фелица, т.е. богиня блаженства, сопровождала на гору, где цветет роза без шипов. Прочитав эту оду в журнале «Собеседник любителей русского слова», Екатерина II была тронута до слез. Так приятно написать мог только человек, хорошо знающий ее.

Эта ода поставила Державина высоко во мнении Екатерины II, двора и публики. Автор получил конверт с надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину». В конверте была золотая табакерка, осыпанная бриллиантами и с 500 червонцами. А уже в следующем году поэт был назначен Олонецким, затем Тамбовским губернатором. В декабре 1791 г. Державин был назначен статс-секретарем при Екатерине II, а затем сенатором и президентом коммерц-коллегии (министр торговли). Он был правителем канцелярии Совета, государственным казначеем. При Александре I занимал должность министра юстиции. Первым в России совместил эту должность с постом генерал-прокурора. И каждый раз нена-

долго: подводили прямолинейность, откровенность, горячность, неуступчивость Державина. В 1798 г. Державин даже был отдан под суд, но московский сенат, рассмотрев его дело, нашел, что он не виновен ни в каких злоупотреблениях по должности. Будучи генерал-прокурором, он повел решительное наступление на беззаконие, воровство и взяточничество. Поэтому и продержался на этом посту всего год. Когда он спросил у Александра I, за что он уволен, тот прямо ответил: «Ты очень ревностно служишь».

Но все же, стоя рядом непосредственно у трона трех российских императоров (Екатерина II, Павел I, Александр I), Державин получал назначения на очень высокие должности. На период царствования Екатерины II приходится расцвет таланта Державина и главное его значение в стихотворениях этой эпохи.

В период правления Павла I в творчестве Державина начинает сказываться влияние анакреотической и древней скандинавской поэзии.

Оды Державин писал меньше и их героем являлся, главным образом, Суворов («На победы Суворова в Италии и на переходы Альпийских гор» и др.). Значительно расширился за это время цикл его духовных и дидактических стихотворений («Гимн Богу», «Правосудие», «Рождение красоты и Победа красоты» и др.). Из од этого периода нужно отметить «На возвращение Валериана Зубова из Персии». В 1798 г. вышли в Москве «Сочинения Державина», часть I.

Из лирических стихов можно назвать «Пламида», «Нина», «Амур и Псишея», «Шуточное желание», «Цепи»:

*Не сетуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цепи дорогие:
Милее вольности нет в свете для людей,
Оковы тягостны, хотя они златые.*

Начало царствования Александра I Державин приветствовал одой, в которой писал о предшествующем времени: «Мои предвестья велегласны Уже сбылись... Умолк рев Норда сиповатый. Закрылся грозный, страшный взгляд». Здесь автор изображает Борея (мифологического Бога северного ветра) с седыми волосами, прогоняемого взглядом новорожденного. Император за эту оду прислал Державину подарок – перстень бриллиантовый, стоящий 5 тысяч рублей.

В 1803 г. действительный статский советник, кавалер многих орденов вышел в отставку и полностью посвятил себя литературе.

Природная сила характера, предприимчивость и редкая одаренность помогли солдату-преображенцу сделаться со временем знатнейшим вельможей и первым поэтом. Державин стал самым известным поэтом XVIII века и до самой смерти был признанным вождем русской литературы. В юные годы Пушкин подражал ему.

А.С. Пушкину было суждено встретиться с Державиным 8 января 1815 года, когда прославленный поэт, екатерининский вельможа был приглашен почетным гостем на публичный экзамен в Царскосельский лицей. Ни одно важное событие культуры не обходилось без присутствия «старика Державина». Предоставим слово самому Пушкину, который оставил воспоминания об этом дне. В последние годы жизни Пушкин переписал их и вложил в свой рукописный сборник с английским названием «Table-Talk»: «Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: «Где, братец, здесь нужник?» Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу.

Державин был очень стар. Он был в мундире и плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза залиствали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно читали его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отреческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, когда я кончил свое чтение, не помню, когда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...»

Семнадцатое апреля 1815 года «Воспоминание в Царском Селе» публикуют в журнале «Российский музей» за полной подписью Александра Пушкина. Сцена чтения стихов Пушкина изображена на замечательной картине И.Е. Репина «Пушкин на лицейском акте» (1911).

После экзамена был обед у графа А.К. Разумовского, министра просвещения, который, ведя за столом непринужденную беседу, сказал, обращаясь к Сергею Львовичу Пушкину, приехавшему на экзамен, что желательно «образовать» Александра «в прозе». Но Державин с жаром воскликнул: «Оставьте его поэтом!» А на следующий день он получил от юного триумфатора тоненькую тетрадь, в которую были аккуратно переписаны «Воспоминания в Царском Селе». Встретиться еще им не привелось.

Имеются воспоминания современников о той оценке, которую дал Державин стихам Пушкина. «Державин, выслушав

это произведение, в котором чувствовалось ему что-то родственное, растроганный сказал: «Я не умер», и хотел обнять своего преемника» (В.П. Гаевский). «Державин, прочтя первые стихи Пушкина, понял будущего поэта и сказал С.Т. Аксакову: «Вот кто заменит Державина» (Ф.И. Глинка).

Помимо «Воспоминаний в Царском Селе» строки о Державине мы находим в пушкинском послании «К Жуковскому»:

*И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым гением и грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной.*

В восьмой главе «Евгения Онегина»:

*И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.*

Имя Державина упоминается Пушкиным и в переписке с друзьями. Неоднозначную оценку творчества своего пред-

I. Репин. Пушкин на лицейском экзамене

шественника, пытавшегося шагнуть из классицизма в романтизм и даже реализм, Пушкин дал в письме Дельвигу в начале июня 1825 г.

При самом учреждении Российской академии он был избран ее членом и принимал участие в составлении словаря русского языка.

Позднее Державин написал оду «Изображение Фелицы», и, обратившись к покровительству нового фаворита, Платона Зубова, посвятил ему оды «На умеренность» и «К лире». Написанная в это же время ода «На взятие Измаила» имела большой успех. Державин получил от государыни богатую, осыпанную бриллиантами табакерку, и его стали принимать при дворе «еще милостивее». Смерть Потемкина вызвала одно из оригинальных и величественных по замыслу стихотворений в творчестве Державина «Водопад». Последними его одами при жизни Екатерины II были: «На рождение царицы Гремиславы» (послание Нарышкину), «Афинейскому рыцарю» (Алексею Орлову), «Ода на покорение Дербента» (в честь Валериана Зубова), «На кончину благотворителя» (И.И. Бецкого).

Наконец, Державин поднес Екатерине II рукописный сборник своих сочинений, предпослав ему «Приношение монархине». Еще до смерти императрицы Державин написал «Памятник», в котором резюмировал значение своего поэтического творчества.

Традиция такого стихотворения-памятника древняя, идет еще от римского поэта Горация с его «Exegi monumentum» (лат.) – «Я воздвиг памятник». Горация на русский язык до Державина перекладывал Ломоносов. Державин в своем «Памятнике» показывает собственные приоритетные заслуги, объявляя, в частности, о том,

*Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,*

*В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говоритъ.*

Заглядывая в будущее, Державин утверждал:
*Так! – весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.*

Державин увязывает свою славу со славой всех славян, с надеждой взирает на свою отчизну, которую выделяет из славянского мира.

У Пушкина в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» есть некоторые переклички с Державиным, но одиличскую условность он полностью преодолевает. С потомками он разговаривает без позы, не взирая на них с высоты пьедестала. Пушкинское стихотворение совсем другого жанра, чем стихи Горация и Державина.

Кроме эпиграмм и басен, он начал писать еще трагедии. К 1815 г. относится «Рассуждение о лирической поэзии», прочитанное им в «Беседе».

Державин уже считал необходимым сделать комментарии к своим сочинениям и сам написал «объяснения» к ним.

Известность Державина не выходила из круга привилегированных, да сам Гавриил Романович был человек безопасный и весьма почтенный. Не то Пушкин. Его слава и популярность, небывалая для того времени в русском обществе, была не безразлична для царского правительства, т.к. его любят и ценят какие-то новые люди, чужие и непонятные для власть имущих.

По словам В.Г. Белинского поэзия Г.Р. Державина была «Первым шагом к переходу русской поэзии от риторики к жизни». Даже в таком типично высоком жанре классицизма, как ода, от-

ражается у Державина этот переход. В одах «Фелица», «Видение Мурзы», «На счастье» можно наблюдать смену и чередование разных «типов речи» – высокого поэтического и обиходно-бытового, причем основная смысловая нагрузка ложится именно на обиходно-бытовые контексты. В этом композиционном чередовании и проявляется разрушение высокого стиля классицизма, которое зародилось еще в одах Ломоносова.

В оде «Видение Мурзы» Державин воспевает Фелицу в традиционных для высокого стиля выражениях, но как только переходит к полемике с вельможами, обращается к совершенно иным словесным рядам:

*Довольно нажил я врагов!
Один отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит <...>
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов <...>*

У Державина «переход от риторики к жизни» всегда связан с переходом от высоких поэтических к обиходно-разговорным контекстам. Это отражает утрату высоким стилем монополии на право выражения «важных материй».

Предназначение поэта в понимании Г.Р. Державина – прославление великих поступков и порицание дурных.

В последний период жизни, следя духу своего времени, Державин старался дать место в своем творчестве народному языку.

Пробуждение изучения русской народности вызвало у Державина мнимо-народные баллады и романсы («Царь Девица», «Новгородский волк Злотор»). Наиболее удачным из таких стихотворений было «Атаману и войску Донскому».

Умер Г.Р. Державин 20 (8 июля по ст. ст.) 1816 г. в своем любимом новгородском имении Званка. Ему было 73 года. Державина похоронили недалеко от Великого Новгорода в Спасо-Преображенском соборе Варлаамо-Хутынского монастыря. Место захоронения в годы Великой Отечественной войны превратилось в руины из-за обстрелов. Лишь в 1959 г. останки Державина перезахоронили в Новгородском детинце, однако в 1993 г. вернули на прежнее место, когда собор был реставрирован.

Приведем слова эпитафии: «Здесь лежит Державин, который поддерживал правосудие; но подавленный неправдою, пал, защищая законы».

Не зная, наверное, не вдруг догадаешься, кто автор этой эпитафии. Все в ней справедливо, только главного нет. Того, за что мы и поныне ценим славного старца нашего, как называл его Пушкин. Кто же забыл или не захотел вспомнить, что Державин был самобытным поэтом? Оказывается, сам Гаврила Романович. В невеселые минуты набросал он на обороте полученного письма эти гордые и горькие строки.

Взгляды Державина на язык и литературу были достаточно консервативными, но это не помешало ему с интересом и благосклонно относиться к новаторским явлениям в поэзии. Его творчество в русле классицизма стало той почвой, на которой взросла поэзия Пушкина, Батюшкова, поэтов-декабристов.

Четверть века положивший на собирание, издание и комментирование с исчерпывающей полнотой творений Г.В. Державина академик Я.К. Грот пришел в итоге изучения их к такому заключению: «Немного было русских людей, которые бы в такой мере, как он, умели соединить литературную деятельность с общественной и служебной».

*Сибирский
Парнас*

Александр Кухно

Рецензируя дипломную работу студента литературного института Александра Кухно, Вероника Тушнова сказала: «Александр Кухно обладает очень ясным, чистым и мягким голосом. Это поэт лирических раздумий, ему не свойственен лаконизм, афористичность, и вряд ли, по характеру дарования, он должен к этому стремиться. И далее: «Тонкость и чуткость всегда присутствуют в поэзии Александра Кухно. Постоянно

живёт в ней и чувство природы. Очень хороши стихи «Тополь», «Дождик», «Хорошо шагать отавами...». Отличные стихотворения «Река молчания», «Рукавички».

Тут ни прибавить, ни убавить. Поэт поэта тонко чувствует. А Вероника Тушнова – поэт от бога. Не зря она руководила семинаром поэзии в литературном институте. Дипломная работа действительно получила высокую оценку.

А вскоре стала сборником стихов – третьим по счёту. Всего их при жизни А. Кухно вышло четыре. Увы, он рано ушёл: в сорок пять лет. Но то, что им сделано, остаётся с нами: живёт и переиздаётся. И звучит на литературных вечерах.

A. Чернышёв

Творчество

Пока владеют формой руки.

Пока твой опыт не иссяк,

На яростном гончарном круге

Верти вселенной

так

и сяк.

(Н. Ушаков «Мастерство»)

Пускай тоска несоответствий,

пусть вечный хаос –

душа опять,

раскинув ветви,

заколыхалась.

Ещё не ведая откуда

придёт решенье,

душа уже дрожит от гуда

самосожженья.

Гори, языческое древо,

гори,

гори же!..

Не будь твоей любви

и гнева –

что я увижу?..

Во что поверю,

что открою,

в себе познаю?..

К какому новому герою

приду под знамя?

Не баловство, не разоренье –

то плоть живая

горит,

во имя озаренья

себя сжигая!..
Огнём охваченное древо
заносит ветром.
Вскипает кровь от перегрева –
Течёт по веткам.
Не сучьев щёлканье и взрывы –
То нервы ломит.
И молний мечутся извины
На полуслове...

Ранимость

Двух лет, наверное, не боле,
когда весь мир ёщё не свой, –
с высокой русской печки, что ли,
лечу – и об пол головой...
Как я орал!..

Не слышу крика.
На грани памяти моей
всё так беззвучно и безлико –
одни лишь сполохи теней.
Они прошли. Но вечной тенью,
травинкой, что выходит в рост,
то ощущение паденья
росло во мне
и назвалось
ранимостью...
Как на готовом
она всегда жила со мной.
За всё, что есть пережитого,
обязан я лишь ей одной.
За все ушибы и обиды

И радость праздничного дня...
Не похвалюсь, что видел виды, —
Но люди видели меня.
Они не проходили мимо,
Быть может, только потому,
Что и у них душа ранима, —
Сходились к сердцу моему.
Я принимал чужую жалость,
и боль, и радость принимал.
Но то, что это отражалось
на сердце, я не понимал.
Что у меня оно большое,
Что и большое — устает,
Я знать не знал!..

Я жил душою,
в счастливый веря исход.

Ранимость...
Странное какое
понять!..

Это от неё
звезда зажглась в ночном покое,
пылит и светится живьё;
и песню затевают люди,
смеются, плачут — всё не в лад! —
неосторожно любят, судят,
низводят

и боготворят...

И в них живёт необходимость
любить
и думать по ночам
про эту самую ранимость,
что есть начало всех начал...

Мне по одной дороге с ними.
Иду – и нет иных путей.
Я с каждым годом всё ранимей,
и чем ранимей – тем сильней!

* * *

Всё ждёшь, всё жаждешь равновесия –
И добрым быть
и мудрым быть,
чтоб всем вокруг
легко и весело
себя –
как солнышко дарить.

Но где она, та радость тихая
глубокой ясности души,
когда весь мир прекрасной книгою
вдруг открывается в тиши?..
Ни зла, ни лжи, ни прочей нечисти,
ни преходящих мелочей...
В сердцах людей – дыханье вечности
и нежность в глубине очей.
Тогда гранится мысль высокая –
как ель под солнцем на юру,
и падают в ладони соколы –
слова, зовущие к добру.

Но где оно, то равновесие
моей взволнованной души,
какими градами и весями,

в какой скитается глуши,
придёт ли?..

В полночи бессонные
придёт
и встанет у стола,
чтоб мысль –
как ёлочка гранёная,
отформилась и зажила.
Она растёт, чеканя медленно
Сама себя, так много лет...
А кто-то рядом злой и въедливый
ей загораживает свет.
Сурова жизнь.
Глядит невесело
На все старания твои.
Не диво, молвит, равновесие –
Без равновесия твори!

* * *

Мне говорят: через утраты
Придёшь к ранимости такой,
что смерть видавшие солдаты –
и те слезу смахнут рукой
при слове правды не кричащей
при слабом отзвуке мечты...
Не для того ль, поэт, всё чаще
в людское море правишь ты?..

Ну что ж, какой ни малый опыт,
А свой
и выполнен вполне.

Чужие занимать окопы
Зачем?..
Ведь тут не на войне.
Бывает, строчка так застонет,
забьётся,
что и сам не рад...
Откуда ты?
Зачем?
Не стоит...
Ещё ведь не было утрат.

Тополь

Большие, жёлтые, слетают
на землю звонкие листы –
как будто кровля золотая
распалась,
рухнув с высоты.

Как будто радуясь потерям,
Над просветлённою водой
горит, горит высокий терем –
под солнцем тополь золотой.

Не знает он, что в мир блескучий
Всё ярче входит синева.
Чуть облака, чуть ветер круче –
Летит блескучая листва.

Лети, отжившая, былая,
лети, не нужная, лети!..

Не каждый день живём пылая
и держим золото в горсти.

Но каждый час – единоборство,
Мгновенье прожитое – бой.
Земля с невидимым упорством
Живёт и борется с собой.

Всё, что цвело, но обветшало
И стало тяжестью земли, –
чтоб новой жизни не мешало,
земные ветры размели.

Не терем в золоте заката –
над потемневшею водой
стоит кряжистый, языкатый,
безлистый тополь молодой.

Легка, светла его вершина.
И нет в нём праздной пустоты.
Сама земля его лишила
Блескучей мёртвой красоты.

Сама земля...
И, горделивый,
Он в пояс кланяется ей.
И всех ветвей его извины –
Как продолжение корней.

Дождик

Не прыгучий – моросящий,
весь какой-то набекрень,
будто так, ненастоящий,
ходит дождик третий день.

Как под окнами любимой,
по булыжной мостовой
невидимкой нелюдимой
ходит дождик сам не свой.

Очень тихий, очень грустный,
ходит днём и по ночам.
Хоть бы веточкою хрустнул,
Хоть бы в стёкла постучал.

Тихо катятся по стёклам
ручеёк за ручейком...
Всё замолкло, всё намокло,
всё наполнилось дождём.

Река молчания

Я всё забыл...

Но временами
я помню тот далёкий час,
когда впервые между нами
река молчанья пролилась.

Безумством, радостью отчаянья –
Как хочешь это назови.

Она текла – река молчания –
признание первое в любви.

Слова неверные, случайные,
Обиды тяжкие – не раз
Тонули в ней.

Река молчания
Текла, не разделяя нас.

Вот и сейчас –
ни слов признания,
И примиренья нет сейчас...
Но вновь и вновь
река молчания
течёт, соединяя нас.

Как будто нет над ней ни облака,
ни холодка, ни ветерка...
И ты идёшь со мною об руку.
Течёт молчания река.

Рукавички

За тобою, ласковой и нежной,
Заходил я часто по утрам,
чтобы вместе по тропинкам снежным
пробежать на лыжах по горам,
чтобы в дальние лесные дали,
словно в сказку зимнюю прийти...
Помнишь, рукавички мы искали,
те, что обронила ты в пути?..
Как без них студёною зимою?
Ты шутила: это дед Мороз
рукавички с белою каймою
для своей Снегурочки унёс.
Я растёр твои ладони снегом
И согрел дыханием своим.
Помнишь, я учил тебя с разбега
пролетать по кручам снеговым?
Я хотел, чтоб ты была бесстрашной,
говорила бедам – не беда!
Чтоб сегодня, вспомнив день вчерашний,
Ты была счастливой, как тогда...

Чем ты озабочена сегодня?..
Тем, что двое малышей у нас?
Погляди, как сын ресницы поднял,
от тебя не отрывается глаз.
За тобой плетутся по привычке,
за подол ручонками ловя,
маленькие, словно рукавички,
с белыми чубами сыновья.
Ластятся к рукам твоим усталым.

Ни за что малюткам не понять,
Что устала ты. Им горя мало!..
Просят, чтобы ты их одевала,
Чтобы вышла с ними погулять
К синей речке, к загородным дачам...
Только ты не пустишь их туда:
за окном зима, метели плачут...
И мальчишки плачут иногда.

Ты вели им, пусть носы умоют.
На ночь сказку детям расскажи.
И свяжи – ну как без них зимою? –
рукавички малышам свяжи.
В Новый год я убегу из дома
и мальчишек уведу с собой
в синий бор, любимый и знакомый,
разодетый в иней голубой.
Пусть они научатся на лыжах
по горам без страха пролетать,
подойдут к Снегурочке поближе,
чтоб лесные тайны разгадать...
Пусть со мною в непогодь любую
все тропинки обойдут в лесу
и на праздник ёлку голубую
на плечах из леса принесут.
Дед Мороз Снегурочку покличет
И пойдёт за нами по пятам...
Только наших милых рукавичек
Ни за что ему я не отдам!..

Вот и полночь – время сновидений.
Спят в кроватке двое малышей.

Им, конечно, снится продолженье
сказки недосказанной твоей.
Вижу я, как ты стоишь над ними.
Знаю я, коль будет тяжело,
Все печали как рукою снимет
рукавичек кровное тепло.
И склоняясь над ними по привычке,
ты, наверно, думаешь сама:
– Милые,
 родные...
 рукавички!
Как без вас, когда придёт зима?

Публицистика

Нэля Трухина

Четыре встречи (из истории знакомства Новосибирского Пушкинского общества с сотрудниками Большого Новосибирского планетария)

Первая встреча

Второго сентября 2015 года проходило масштабное мероприятие «Региональный фестиваль книги» и книжная ярмарка в ГПНТБ, где были представлены книжные издательства, издания общественных организаций (типа Пушкинского общества, фонда Высоцкого и др.), региональные библиотеки НСО и всего региона Сибири, одиночные авторы (очень много молодых, начинающих) со своими изданиями. Насыщенная программа за два дня объединила участников книжного праздника, завязались интересные знакомства и установились прочные контакты. Нашу продукцию представляли председатель Пушкинского общества, редактор «Пушкинского альманаха» Крыжановский В.Е. и члены Пушкинского общества Буракова Н.Н., Терентьева Г.П. Приняли участие в программе ярмарки братья Александровы, Матвей и Степан, самые юные пушкинисты.

К нашему столу подошли две симпатичных девушки и, похвалив продукцию – альманах, предложили сотрудничать с Новосибирским планетарием. К удивлению Натальи и Екатерины, так звали девушек, мы сразу согласились и получили задание – выбрать из всего творчества А.С. Пушкина строки, связанные со звездным небом. Эпизодическая встреча переросла в тесное творческое сотрудничество. Вот как бывает!

Вторая встреча

Шесть месяцев увлекательных поисков и находок. Поисковики от мала до велика (от девяти до девяноста лет), заново открывали для себя мир Пушкина. После телефонных переговоров с отделом учебно-воспитательной работы в начале апреля 2016 года мы приехали в планетарий и, наконец-то, познакомились с четырьмя прелестными талантливыми сотрудниками – Сафоновой Н.Ю., начальницей отдела, и ее коллегами – Плехановой С.Г., Печуркиной Н.В. и Арцибашевой М.А. Они рассказали нам о ближайшем звездном празднике ко дню космонавтики, посвященном 55-летию первого полета в космос. Сотрудники предложили нам дать интервью о незабываемом дне 12 апреля 1961 года и о значении этого дня в жизни каждой из нас. Из семи согласившихся на интервью шесть – члены Пушкинского общества.

Третья встреча.

12 апреля 2016 года мы снова в планетарии, но уже в качестве гостей. Все происходящее описано в очерке «Это было недавно, это было давно...», автором которого является Трухина Н.П., председатель Новосибирского Пушкинского общества, член Союза журналистов России. Очерк приводится ниже.

«Юрьева ночь (с 11 на 12 апреля 2016 года) в Большом планетарии Новосибирска оставила неизгладимый след в сердцах присутствующих на праздновании Дня космонавтики новосибирцев всех возрастов, как говорится, от мала до велика, разных национальностей и социальной принадлежности. Например, на автобусе, предоставленном депутатом Савельевым от партии ЛДПР, приехали члены Новосибирского Пушкинского общества, ветераны комсомола, инвалиды из общества инвалидов Центрального района, представители

ТОСа из Дзержинского района. Необычным было все: доброжелательные, улыбчивые лица сотрудников, встречающих гостей, их ласковые голоса при объяснении маршрута следования. И толпа за считанные минуты превратилась в стройные ряды и группы по интересам. Все было просто, доступно, понятно, памятно. Мы погрузились в эпоху 60-х годов героического и трагического XX века. Трогательной была встреча с детскими привязанностями первого космонавта планеты Земля. Нас угостили любимым напитком Гагарина – молоком. А ведь многие подумали о чем-то ином. Это было заметно по их изумленным лицам и облегченным вздохам. Смущение быстро сменилось молодым задором при звуках оркестра, исполняющего мелодии 60-х годов прошлого века.

Это было 55 лет назад! Дети войны были тогда молодыми жизнерадостными людьми. Сегодня им от 70-ти до 90-ста лет, но они по –прежнему активны, любят жизнь, верны идеалам своей юности и своей великой родине, ушедшей в историю, СССР. Советский гражданин, старший лейтенант Юрий Алексеевич Гагарин за108 минут облетел планету, обнимая небо крепкими руками, и рассказал землянам, какая она голубая и прекрасная. Из космоса Гагарин возвратился майором, героем, любимым сыном планеты земля и другом всех землян.

Семь лет Гагарин нес бремя славы собственной и славы своей великой Родины. Его гибель стала трагедией для каждого жителя Земли.

Перед тем, как войти в Звездный зал на просмотр торжественной музыкально-поэтической программы «Это было 55 лет назад!», зрители успели посмотреть выставки на двух этажах:

- Фотоконкурс «Улыбка Гагарина» и «Мисс Вселенная-61»;
- Изба-читальня: апрельские газеты 1961 года, книги;

– Почтовая точка (в холле первого этажа).

Разве забудешь прическу тех лет «Полюби меня, Гагарин!» Ее продемонстрировали в салоне. В торжественной программе «Это было 55 лет назад!» зрители увидели историю отечественной и мировой космонавтики, ее достижения и проблемы, примеры сотрудничества в изучении космоса стран и народов Земли, космическую технику; убедились, какие перспективы открывает дальнейшее освоение космоса перед человечеством.

А что творилось в Звездном зале, когда начался показ раздела о людях, рассказывающих о 12 апреля 1960 года, о роли этого дня в их жизни!

Каждая из семи представленных женщин вспоминала теплый солнечный день 12 апреля 1960 года, высокое безоблачное небо, шум в цехе завода или гулкость шагов по тихой улице, учебный класс в школе или аудиторию в ВУЗе. И обыденность буднего дня взорвалась от сообщения ТАСС по радио о полете советского человека в космос. Имя его запомнилось сразу: «Юрий Гагарин!» Восторг и всеобщее ликование, людское море на улицах и – с плеч долой 55 прожитых с той поры лет.

А в Звездном зале – всхлипы, вздохи, удивление и изумление, звонкие восхищенные детские голоса узнавших на экране своих бабушек; взрослые, родившиеся после полета, увидели и узнали своих друзей, товарищей по работе, соседей по дому, родственников. А люди с экрана рассказывали о том, что пример Гагарина сделал их жизнь содержательной, научил преодолевать любые препятствия и невзгоды в жизни, поступать в сомнительных случаях по чести и совести.

Вторая группа посетителей получила в подарок не менее интересную программу Юрьевой ночи. Закончили праздник парадом и запуском шаров.

Счастье, пережитое новосибирцами в памятную Юрьеву ночь, подарено коллективом планетария под руководством Масликова Сергея Юрьевича. Четыре года назад, 8 февраля 2012 года, родился творческий коллектив из почти 70 человек. Особенno хочется выделить работающих в отделе учебно-воспитательной работы:

- Сафонову Наталью Юрьевну;
- Плеханову Светлану Геннадьевну;
- Печуркину Наталью Викторовну;
- Арцибашеву Марию Анатольевну.

Спасибо Вам, дорогие друзья, за бескорыстие, любовь и уважение к людям и за памятный подарок в Юрьеву ночь. Здоровья, счастья и вдохновения Вам для творческой работы на долгие годы!»

Четвертая встреча

6 июня 2016 года, казалось бы, обычный будничный день, понедельник. Но Россия ликует! Это Пушкинский день России. 217 лет со дня рождения великого поэта отмечают жители планеты Земля. Иначе и быть не может: имя Пушкина обошло всю планету. Пушкинские строки вдохновляют людей на защиту идеалов добра и справедливости, сплачивают в борьбе за мир, свободу и независимость Отечества.

Сегодня на наших глазах рождается прочный союз поколений, основанный на сочетании благородства, просветительства, высокого чувства благодарности с уверенностью, что Русь-матушка не погибнет, ее национальная гордость и культура не исчезнет с лица Земли, так как старшее и молодое поколения протянули руки навстречу друг другу с благодарностью и пониманием. Так поздравим же друг друга с днем рождения Александра Сергеевича!

вича Пушкина, друзья! Подарки великому поэту России сегодня преподнесут ансамбль Пушкинского общества («Городской романс»), чтецы, квартет гитаристов ДМШ №6. И роскошный подарок от Новосибирского планетария – «Пушкин и космос» (Пушкин и его герои на звездном небе). Еще раз с днем рождения Александра Сергеевича, друзья! Хороших Вам впечатлений от подарков. Первый подарок – концерт. Затем гости плавно перетекают в Звездный зал в царство Светланы Плехановой. Уютно устроившись в креслах, поднимают глаза к высокому звездному небу, и перед изумленными взорами предстает пушкинский космос с астероидами его имени, сам поэт в компании друзей, фрагмент из сказки о царе Салтане, где лебедь бьется средь зыбей, коршун носится над ней, а силы моря защищают несчастную жертву. Под волшебный голос Светланы Плехановой души присутствующих переполняются благостными впечатлениями.

Еще один подарок вручила нам прекрасная хозяйка Звездного зала – фильм о катастрофе в Космосе, в результате чего образовалась Земля. Бурные аплодисменты благодарных зрителей!

А на вопросы о впечатлении от увиденного восторженные ответы: «Я счастлив!» В состоянии счастья пребывали участники этого действия очень долго, для многих оно останется самым ярким воспоминанием на всю жизнь.

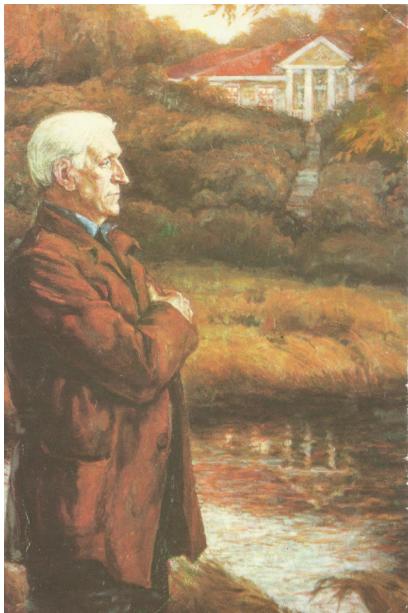
Новосибирский планетарий

*Гость
Пушкинского
альманаха*

Людмила Тонышева

Контуры портрета

14 февраля 2017 года исполнилось 114 лет со дня рождения Семёна Степановича Гейченко. Пушкин в России пока ещё, слава Богу, известен каждому. Про легендарного директора заповедника «Михайловское» нынче помнят только специалисты. Это несправедливо, ибо именно однорукий фронтовик Гейченко за несколько десятилетий сделал главные пушкинские места престижными, обязательными для посещения.

До личного знакомства с Семёном Степановичем Гейченко я, конечно, знала о заповеднике, много слышала о директоре от своей знакомой и большого знатока творчества и жизни А.С. Пушкина – пушкиноведа из г. Тайга Кемеровской области – Соколовой Анастасии Фёдоровны. Кроме того, читала в газетах, смотрела ряд телевизионных передач, читала написанные С.С. Гейченко статьи и книги. Но это был взгляд со стороны, с

большого расстояния, как на одно из явлений отечественной культуры.

А в 1980 году мне посчастливилось встретиться с ним самим в Михайловском.

7 октября группа врачей-стажёров, проходивших усовершенствование в Ленинградском ГИДУВе (Государственный институт усовершенствования врачей) решила посвятить свой свободный от занятий день поездке в Пушкиногорье. Ехали в автобусе ночь и утром были уже на месте. Экскурсоводом стал наш педагог, уже не раз бывавший в этих местах – Ежков Геннадий Андрианович – большой любитель поэзии Пушкина. Наш визит в Михайловское пришёлся на день, который по календарю был понедельником, то есть для посетителей заповедник был фактически закрыт, все дома на его территории были также закрыты и у штатных экскурсоводов был выходной день. Но в одной из своих статей Гейченко как-то обмолвился: «Мы открыты для всех, даже ночью!». Поэтому мы совершенно беспрепятственно попали на территорию Лукоморья.

Описывать дорогу до дома Пушкина и его няни, да и другие достопримечательности я не стану. Гораздо интересней поведал об этом наш земляк – поэт Леонид Решетников в своей книге «Встречи», изданной Новосибирским книжным издательством в 1986 году, в главе «Поездка к поэту».

А вот о личной встрече с Семёном Степановичем Гейченко мне хочется поделиться, ведь не каждому в жизни выпадает счастье на такую встречу.

В тот день Семён Степанович гулял в своём саду недалеко от собственного дома, был одет в тёмное демисезонное пальто, на голове – взъерошенная седая шевелюра. Он осматривал деревья-саженцы.

Мы проходили мимо и я, узнав его по сходству с газетными портретами, сказала коллегам: «Подождите меня, я поговорю

с Гейченко». Они были чуточку шокированы моей смелостью и, отойдя на некоторое расстояние, стали ждать. Я подошла и поздоровалась с Семёном Степановичем, назвав его по имени отчеству. Он поднял на меня удивлённые глаза и спросил: «А вы, собственно, кто?» Я поведала ему о том, что учусь в Ленинграде, приехала из Сибири и хочу передать привет от его хорошей и давней знакомой Анастасии Фёдоровны Соколовой из города Тайга Кемеровской области.

«А вот вы от кого? – заулыбался С.С. Гейченко. – Почему выбрали выходной день?». «Другого просто не выкроить, безумно рады и такой возможности подышать воздухом этих святых мест, походить тропами поэта. Это ведь тоже не мало!» – ответила я. Семён Степанович со мной согласился.

«А потом, – смело добавила я, – вещи, что в закрытых домах-музеях – бездушная сила, и, наверное, личных вещей А.С. Пушкина и его няни здесь не так уж и много?».

Гейченко, видимо, в тот день был в хорошем расположении духа и на эти мои неуклюжие доводы только усмехнулся и сказал: «Неодушевлённых предметов нет. Есть неодушевлённые люди. Я считаю, что после ухода из жизни владельца вещи хранят память о нём. В будущем мы научимся расшифровывать память вещей, и тогда они многое расскажут о том, кому принадлежали. В 1978 году в Тригорском воссоздана библиотека и академик Лихачёв, – не без гордости подчеркнул Семён Степанович, – назвал это знаменательным событием в истории нашей отечественной культуры. В этой библиотеке, – добавил Гейченко, – есть книги из личной библиотеки Абрама Петровича Ганнибала. Каково!!!».

Я поняла, что он решил убедить меня в том, что насчёт вещей я категорически неправа.

«Можно, я на прощание, задам Вам несколько вопросов? – снова набралась я смелости, при этом, думая, что он

откажется, сошлётся на занятость, но он доброжелательно сказал: «Задавайте».

«Почему у нас в России такое сокровенное отношение к Пушкину?» – спросила я.

Он ответил: «Да тут для меня тайны никакой нет. В семнадцатом году мы религию отменили, вот Пушкин и стал нашей религией».

«А какое стихотворение Вы больше всего любите?»

«Мне ближе всего «Домовой». Считаю его для себя документом, узаконившим правила внутреннего распорядка сотрудников заповедника. Перечитайте его, когда вернётесь в Сибирь, и Вы поймёте, о чём я говорю», – сказал Гейченко.

«И последний вопрос, – сказала я, – Ваше отношение к праздникам, проводимым в Михайловском?».

Он ответил: «К праздникам я Вас не зову. Это суeta... Прошедшее лето точно было очень тяжёлым. Стадом шли гости, разные начальники. Я стал похож на станционного смотрителя» (Гейченко рассмеялся).

На этой весёлой ноте мы с ним расстались. Я обещала передать от него привет нашей общей знакомой.

В 1980 году С.С. Гейченко ещё не имел высокой правительственной награды. Героем социалистического труда он стал позднее, в 1983 году, по случаю своего восьмидесятилетия.

А теперь мне хотелось поделиться мнением Валентина Курбатова о С.С. Гейченко. Откуда я знаю Курбатова? Познакомила меня с ним письменно всё та же Соколова Анастасия Фёдоровна. Курбатов и сам интереснейшая личность! В Совете при Президенте Р.Ф. по культуре и искусству, утверждённому Указом от 19.09.2012 года, есть фамилия Курбатова – литературного критика, писателя, эссеиста. И мне лично

нравятся многие его работы, в частности: «Двадцатый Пушкинский театральный фестиваль», «Мера за меру» (о книге Норманна Лебрехта «Маэстро – Миф, великие дирижёры в схватке за власть»), «Не холодно ли Пушкину?».

Но я остановлюсь только на моментах, касающихся взаимоотношений В.Я. Курбатова и С.С. Гейченко. Очень жаль, что не дожил хранитель Пушкинского Лукоморья до дня, когда Пушкинское Михайловское Псковской области стало объектом культурного наследия федерального значения. Распоряжение об этом подписал премьер-министр Д.Медведев. Данное решение позволит обеспечить государственную охрану всей территории музея-заповедника «Михайловское». Ранее эта территория представлялась только памятником истории и культуры, располагающимся в селе и его окрестностях.

Журналист Галина Киянова подтвердила слова В.Я. Курбатова и А.Ф. Соколовой о том, что в 80-ые годы заниматься А.С. Пушкиным и не быть знакомым при этом с Гейченко считалось недопустимым. Каждый протаптывал свою тропинку к «домовому». В первое время таких знакомств, шла переписка празднично-вежливая, иногда с презентами, автографами; потом – «заинтересованная» и даже личная встреча. Для Валентина Курбатова это проблемы не составляло, так как он жил по соседству, в Пскове. В архиве С.С. Гейченко хранятся папки многолетних переписок, среди них значатся и две знакомых мне фамилии: В.Курбатов, и А. Соколова. Он считал их своими друзьями, единомышленниками.

Вот, что пишут по поводу содержания писем, получаемых от С.С. Гейченко Л. Агеева и В. Лавров в книге «Хранитель» (Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990 год): «В письмах Гейченко балагурство, розыгрыш соседствуют с серьёзными мыслями, тревогами, печалями; анекдоты с

исповедью, жалобы на здоровье; хозяйственные нужды, с горделивым перечнем сделанного; описание природы с рассказами о гостях Михайловского; похвала с осуждением; совет с нравоучением. И почти во всех – то затаённая, то прямо выраженная цель – приобщить к заповеднику, к его делам, заботам, каждодневному существованию, сделать тебя если не «заступником», то «печальником» этих драгоценных для каждого из нас мест.

Как кратко и точно написал о Семёне Степановиче Гейченко Дмитрий Сергеевич Лихачёв: «Я не знаю никого, кому русское прошлое за последние тридцать лет было бы обязано стольким, сколько оно обязано ему». Уникальны и очень характеризуют С.С. Гейченко его самые сильные жизненные впечатления, рассказанные в одном из писем А.Ф. Соколовой: «Чтение старым колхозникам «Онегина» на первом послевоенном Пушкинском празднике. И как однажды летом к нему в Михайловском, явно робея, подошли студентки, они предложили убирать и мыть дом Пушкина. И действительно занимались этим два месяца старательно и с удовольствием».

А теперь всё же вернёмся к В.Я. Курбатову. Моё знакомство с Курбатовым продолжалось через письма от Соколовой А.Ф. В письме от 24.04.82 г. она сообщила мне о выходе в печати книги «Пушкиногорье» (роскошный подарочный, туристический альбом-путеводитель, бумага, иллюстрации, формат – люкс, но и только...). Содержание в основном из книжки С.С. Гейченко «У Лукоморья». Поводом для этого Альбома стало шестидесятилетие заповедника. Далее она сообщает: «Я эту книгу смотрела и читала лишь в нашем магазине. Было всего два экземпляра. Стоимость 8 рублей 50 копеек! Мне не по карману. А Семён Степанович скончался, кроме того, я не в восторге от этой нарядной «бомбоньерки». Лучше

бы продолжили вторым томом «У Лукоморья». А вот новое знакомство с псковским критиком В.Я. Курбатовым меня очень интересует. Он молод (до 50 лет), смел, своеобразен по стилю и содержанию, но малость фрондирует и, работая над «Пришвиным» что-то совлётся в религиозно-философскую стезю, если это не поза».

В этом же году в одном из писем Анастасия Фёдоровна вновь пишет о Курбатове: «Критик, эссеист, автор книги «Агин» и очерков, и повестей о Кипренском, Гоголе и других. Курбатов порадовал меня фотографией дома Л. Андреева. Он хорошо пишет, стиль, культура слов на высоте («Собеседник» № 2 за 1981 год, стр. 113). Если найдёте, посмотрите в «Литературном обозрении» № 3 за 1980 год – сердитая (по его словам) статья о некоторых поэтах».

А теперь хотелось бы дать выдержку из письма В.Я. Курбатова, адресованного А.Ф. Соколовой. 21.02.1983.

«Уважаемая Анастасия Фёдоровна! Спасибо за доброе слово о моей заметке в «Литературной России». Я больше не буду, наверно, писать о Гейченко. Человек он тяжёлый и для беспристрастного сочинения время ещё неизвестно, когда придёт. Отношение у меня к нему сложное и всё время поворачивать дело к свету у меня уже не выходит. Во всяком случае – видеть его близко – это испытание существенное и нагрузка для меня непосильная. Я сам человек очень простой и, ввиду этой капризной и щедрой сложности, мне часто просто не по себе (тут ведь ум и жизнь ренессансные, со всею двойственностью этого высокого понятия, не зря и равнодушных к нему нет, а уж ненавистники таковы, что только яду в стакан не бросают – тут тоже знак возрожденческий)...

А теперь письмо от А.Ф. Соколовой от 02.06.83г., обращённое ко мне:

«Л.Н. Мне хотелось бы, чтобы Вы были тоже в числе читателей В. Курбатова и написали ему, если есть или будет о чём. Даю его адрес: 180016, г. Псков, ул. Юбилейная, 46, кв.34. Его книжку «Агин» я бы могла Вам послать для прочтения, но не обременяют ли Вас эти почтовые походы?»

В следующем письме от 03.11.83. о Курбатове: «Он человек своеобразный, характер не из лёгких, но мастер слова, что меня к нему и привлекло. В феврале 1986 года в «Литературной газете» есть его статья, напечатанная под портретом Дудина и Гейченко (они большие друзья). Если будете писать Курбатову, сошлитесь на мои рекомендации...».

В письме от 13.12.86г.:

«Л.Н.! Мне в конце ноября Курбатов сообщил о Гейченко: «Я видел его в Ленинграде, он уже собирается домой, после второй операции в Медико-хирургической военной Академии и уже должен быть в Михайловском, но заболел гриппом. Кто-то занёс, немудрено. В день у него с десяток разных людей. Он храбрится, строит планы, но тут впервые я увидел с т а р и к а. Может, тому виной Ленинград, ведь там и молодые – с т а р и к и. Возможно, в Михайловском он посветлеет. И жизнь будет жизнью, а не игрой». Вот такая цитата огорчительная. Всему свой час видно, всякому возрасту свои законы, обманывать судьбу долго нельзя...»

В письме А.Ф. Соколовой от 12.11.87 г. Курбатов пишет вновь о Гейченко: «Семён в поучении молодым бодр, деяте-

лен и даже временами весел. 15 февраля 1988 г. Ему 84 года! Поздравьте его».

Мне от Соколовой А.Ф. в письме от 23.12.88 г.:

«Я около двух месяцев ничего не получала от С.С. Гейченко, ходила в грустях, потом запросила В.Курбатова и вот что он мне сообщил, цитирую: «Я был в заповеднике неделю тому назад. С.С. Гейченко был бодр, доволен, хотя в этой бодрости часто сквозил с т а р и к, утешая себя, что это уже и раньше было, да проходило, но теперь уже чаще и чаще, знаете эту искусственную бодрость, которая очень подчёркивает ветшание организма. Иногда думается, что может быть так бы храбриться и не надо, что можно бы день-другой и в «простых стариках» отдохнуть, а потом опять задело, но тут природе видней. Она у Семёна Степановича хорошо вооружена и лучше знает, как ему держаться». Что тут добавишь? Разве только тютчевское: «Продлись, продлись очарованье, продлись, продлись вечерний день».

Когда-то грозясь никогда больше не писать о Гейченко, Курбатов пишет статью, приуроченную к 110-ой годовщине со Дня рождения С.С. Гейченко, потому что не смог не написать её:

«Должно было пройти время, чтобы мы поняли, что Семён Степанович был здесь все годы своей жизни и Пушкиным, и родиной, и читателем, и молитвой, и свободой... И нас, и нас он незаметно строил для навсегда теперь полногласного чтения Пушкина посреди небес и трав, птиц и человеков. Это было живое воскрешение Пушкина, вынашивание и рождение его... И Пушкин заново учился у С.С Гейченко говорить со скворцами, собаками, деревьями, опять узнавал своё Михайловское, и вновь обживал его... И я без всякой улыбки и метафоры думаю вопреки суровым правилам ре-

ставрационной науки, что тут не только Пушкин, с которым они сразу жили в одно сердце, а и Бог был на его стороне... Нет, тут хоть тонну бумаги изведи, а дело, а дело не в доказательствах, а в слышании сердца. Всякий, пройдя дорогами Пушкиногорья, однажды непременно услышит то, что так поздно услыхал я. Что в Михайловском теперь уже до скончания времён – благодаря Хранителю, Домовому, подканцеляристу Енчикову и Симеону Богоприемцу поселился не только великий национальный поэт России, но и всё наше русское сердце».

А теперь слово пушкиноведу из г. Тайги Кемеровской области Соколовой Анастасии Фёдоровне, которую С.С. Гейченко именовал в своих шуточных посланиях – «добрая барыня», а сам подписывался под ними – «№№ из Лукоморья».

Они познакомились по переписке. И личной встречи у них, к сожалению, не было. Но это не помешало вести переписку почти двадцать лет. А началось знакомство с книги «У Лукоморья». Тогда А.Ф. Соколова была уже на пенсии, оставив учительство, она увлеклась пропагандой литературы, стала выступать с лекциями на темы, близкие её сердцу (о писателях, поэтах, художниках). Свои беседы А.Ф. Соколова строила на таких материалах, которые действительно для многих людей, даже начитанных, эрудированных, являлись настоящим открытием. И о жизни и творчестве Пушкина она знала столько, сколько знали немногие. Пушкиновед – это слово часто произносят в городе Тайга, говоря о Соколовой. И это не преувеличение.

Живая связь с директором Пушкинского заповедника дала богатейший материал, который она использовала в своих лекциях. Это и книги С.С. Гейченко с автографами, это фотографии, связанные с А.С. Пушкиным и пушкинскими

местами, сувениры из Михайловского. Многолетняя дружба с С.С. Гейченко буквально возродила её, наполнила жизнь новым смыслом и знанием.

Приведу выдержки из писем от Соколовой А.Ф., в которых есть информация, касающаяся С.С. Гейченко. Это те бесценные крупицы, которые дополняют штрихи к портрету этого непростого и удивительного человека. А также два-три коротких послания С.С. Гейченко, адресованных к А.Ф. Соколовой (читать которые интересно).

04.03.81 г. «Вышло 4-ое издание «У Лукоморья» С.С. Гейченко. Но я его ещё не получила, и бог знает, получу ли? Ведь не я ему, а он мне нужен (С.С.), как транквилизатор что ли...».

16.03.81 г. «Уважаемая Людмила Николаевна! О Гейченко могу сообщить следующее:

Вариант 1-ый: «Стар, перенасыщен всем. Угнетает мысль о близком конце. Замкнулся на себе. Поэтому, не обижаясь, пожалейте его. И будем ему благодарны за сделанное им.»

Вариант 2-ой:

*«Потоки славословий шумных,
Известности густой туман
Порой морочат и разумных
И вводят их сердца в обман.
Глубоко проникая в поры,
Так, значит, верно говорят,
Что будто слава – это яд!»*

(Д. Кугультинов)

Оправдайте его поведение любым вариантом по Вашему усмотрению.

Мне он пишет «понемножку». Я ему помногу. Шлёт офорты, газетки. И ему спасибо и за это...

(Объясню, на что я была немного сердита на С.С. Гейченко. Уже после встречи с ним в селе Михайловском, мы встретились с ним ещё раз. Дело в том, что он тоже был на конференции, посвящённой А.А. Блоку. И я с ним поздоровалась, он мне не ответил на приветствие, и это меня обескуражило. О чём я и написала в сердцах А.Ф. Соколовой. И, как видите, она встала на его защиту. И она, конечно же, права).

07.01.82 г. « Л.Н.! Меня несколько озадачил Ваш вопрос: «Приезжал ли С.С.Гейченко?» А куда он должен был приехать? И откуда Вам это известно? Мне известно из его ноябрьского письма, что он в отпуске и «будет ходить в филармонию, театр, лежать на диване и ковырять в носу». У него квартира в Ленинграде, дочка там. Вот и всё, что я знаю о нём на данный момент».

27.01.82 г. «...Есть вести о С.С. Гейченко (в обычном для него диапазоне).

19.07.82 г. «...Редко встречаюсь со слушателями. Гейченко отвечаю кратко (раз в месяц). Он тоже лаконичен, но снисходительно ласков».

01.05.83 г. «...Записка-заказ от С.С. Гейченко: «Дорогая барыня! (адресовано А.Ф.Соколовой). Пришлите мне чего-нибудь вкусненького.

Ваш №№ из Лукоморья.

02.06.83 г. «Милая Л.Н.

Вчера от С.С. Гейченко получила очередной пакет с «Приглашениями». Их много... Часть из них я Вам направлю, там же и открыткой – приглашение на моё имя.

Я ему ответила так:

«№№! Уточните заказ, каков аванс, подведём баланс.

С уважением. Бюро услуг.

Добрая барыня»

Дас! Старички позволяют пощучивать! А что нам остаётся?
Есть раритет от С.С. Гейченко – миниатюрная книжечка глав
«Евгения Онегина» с иллюстрациями Насибулина. Всё это
можно было бы послать для прочтения (они с автографами),
если Вы пожелаете.

03.11.83 г. «... Вчера получила письмо от С.С. Гейченко,
как всегда с чудачествами, но вот он указал, что есть журнал
«Клуб» № 16 за август 1983г., я не слышала о таком журнале,
не можете ли Вы через библиотеку выяснить, есть ли такое
издание или это мистификация в стиле С.С.Г.?»

14.01.85 г. « Л.Н.!

Мне уже изрядно надоели изображения (трафаретные) Анны
Керн и скамьи Онегина, но их всё штампуют. Да, Пушкинские
дни потускнели без Андроникова и Козловского. С грустью
думаю, что С.С.Г – не вечен, а что тогда, дорогая Л.Н.?»

21.01.86 г. «...А с Гейченко больше нет желания общаться
– зазнался, стар стал (83 года!), пошлые его шутки отвратили
меня, хотя и уважаю его труд во славу А.С. Пушкина. Я
была в сентябре у дочери в Новосибирске. (Все болячки
её исчезли без видимого следа. Она Вам очень благодарна.
Но всё не выберет время. Так что, не обижайтесь на неё.)
От Гейченко ещё вчера получила то, что Вам посыпаю для
осведомления. Открытку верните, а Каталог у меня есть. Он
ранее мне сообщил, что в конце года выйдет его новая книга.

Гостъ Птицкаго альманаха

И ему 78 лет. Вот и всё. Что я ему ответила, сообщаю Вам, чтобы были понятны наши отношения:

«Виват, сэр!

— Куда же мне плыть»

– Плыви мой чёлн

По волнам...

Конечно: к Настасье.

В Глушь,

В Тайгу

И далее – на Селенгу

Искать по свету

Абрам Петровича карету!»

« Вот так-то, Л.Н. , и забавляемся на старости лет!

Ваша А.Ф. Соколова»

09.09.86 г. « ...Дорогая А.Ф. Я очень, очень болен. Еле-еле держу в руках карандаш, чтобы Вам послать привет.

Ваш №№ из Лукоморья»

02.03.87 г. «Л.Н.! Я послала Вам 28.02.87г. бандерольку (Каталог выставки 1937 года издания из книг С.С. Гейченко с его экслибрисом; и ещё набор гравюр художника Васильева, довольно качественного издания с автографами Гейченко; и ещё известие о его здоровье). Как получите, сообщите. Можно по телефону 46-69 (после восьми вечера). Вам всего доброго. А.Ф.С.»

25.04.87 г. «...На мою деятельность С.С. Гейченко реагирует своеобразно: «Неймётся старой сватье – бабе Соколихе... с эпитетами «милая, дорогая»... Л.Н., есть у меня раритет В.Л. Пушкин, изд. 1893г. приложение к журналу «Север». Вещь для знатока потрясающая! Портрет В.Л. Пушкина, твёр-

дая обложка, интересное предисловие. Ст. Петербург из книг С.С. Гейченко с его экслибрисом в состоянии удовлетворительном. И я бы эту книгу хотела пристроить в добрые руки. Но я не бескорыстна в данном случае (обстоятельства), узнайте, не надо ли кому и условие тоже, простите за прозу жизни».

27.02.87 г. «Л.Н.! Вы, конечно, знаете об урагане в заповеднике, так вот Вам живой материал в газете «Пушкинский край». Если можно, потом верните мне эти публикации (может, ещё пригодятся)».

12.11.87 г. «Л.Н.! Во времена оные Вы меня жаловали такими письмами о Блоке, о Михайловском, о его Хранителе, Лешем, Домовом... о себе.

Старею, глупею, грущу. Лежу сидя, сижу лёжа. Теперь о Семёне. Был очень болен, перенёс две операции (простата). За грудиной – стимулятор. О себе пишет так: «Я по-прежнему командую... угрожаю лентяям дубиной, кручуясь, верчуясь, охаю, ахаю, вою, о горестях грядущих и не токмо, и о сущих.» Ну, а остальное Вам уже известно». 15 февраля ему исполнилось 84 года.

22.12.88 г. «...С.С. («бог» заповедника) пишет кое-что, кое-чем радует и вот всё, что он может».

30.12.88 г. «...С.С. работает в меру сил, мне часто пишет ласково и дружелюбно...».

01.03.88 г. «Л.Н.! Возможно Вам в Ваших беседах о волшестве пушкинской поэзии пригодится, как иллюстрация, следующий эпизод:

Однажды моя соседка – Светка (девица фламандских форм) десятиклассница спросила меня: «Анастасия Фёдоровна, а

какого роста был Пушкин?». Я ответила: «168,5 см, а что?» А она: «Ах, Анастасия Фёдоровна, я вчера, устав от подготовки к экзамену, уснула днём и была во сне с А.С.Пушкиным, я была счастлива! Мама меня разбудила, я заплакала от досады. Пушкин мне что-то говорил. А какой он был в жизни?»

— Ловок в седле, неутомим в ходьбе, меткий стрелок широкоплеч, с сильными руками, изящно сложен и разнообразен с людьми. А каков он был с тобой, Светка?

— Не знаю, только мне было томительно и хорошо, я его чувствовала, но не видела.

Вот уж воистину так: «Дева с трепетом любви посмотрит, может быть, украдкой на песни грешные мои?» Ведь Светка готовилась к сочинению по письму Татьяны. Мистика? Но, реальная...

А теперь — лирическое отступление, из которого всем, кто прочтёт этот материал, будет ясно, как состоялось моё знакомство с пушкиноведом Соколовой А.Ф., продлившееся почти десять лет в переписке. Именно ей я обязана своим знакомством с Гейченко и Курбатовым. Благодаря её дружескому участию в моей творческой работе расширились границы мира, связанного с великим русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным.

Пушкин — это недосягаемо, это солнце, которое нас греет, но постичь которое — надо века. Вот почему, наверное, будучи не раз участницей и лауреатом конкурсов чтецов городского, областного и союзного значения, я никогда не бралась за исполнение его стихов, боясь к нему прикоснуться, как к святыне.

Когда я была в Москве, то первое, с чем меня познакомили в этом городе, был памятник Пушкину.

Приехав в Ленинград, я также в первую очередь посетила Пушкинские места. И каждое лето в день рождения поэта, в скромных условиях нашего небольшого лечебного учреждения, проводила своеобразный Пушкинский праздник, на котором делилась своими находками (вырезками из газет и журналов). Воспитала в себе с годами привычку видеть во всей читаемой и просматриваемой литературе всё, что касается личности поэта, в той или иной мере. Но я и понятия не имела, что у нас существует Всероссийское общество книголюбов, специализирующееся на творчестве А.С. Пушкина, и что оно в своих рядах имеет таких замечательных пропагандистов, каким предстала передо мной А.Ф. Соколова.

10 апреля 1980 года мне выпало счастье познакомиться с этой замечательной женщиной. Она пришла к нам в диспансер в скромном платье с кружевным воротничком, спокойно, как будто знала нас всех много-много лет, вышла на трибуну, называлась учительницей литературы и поведала такие невероятно интересные вещи о Пушкине, что у меня даже дух захватило. Мы услышали о родословной поэта, о Ганнибале. А.Ф. Соколова цитировала строки без излишней патетики, как это обычно делают поэты и плохие декламаторы, и объяснила значение каждого слова в строках поэта со спектральным анализом глубины пушкинской мысли, пушкинского образа. И мне пришла в голову мысль, что в школе мы просто не были готовы воспринимать Пушкина во всей глубине его поэтического гения. И, что только многое пережив и многое изучив, можно лишь приоткрыть тайну пушкинских строк. Соколова познакомила нас также с магнитофонными записями «Посвящения директора пушкинского заповедника С.С. Гейченко в гвардейцы», и с «Песнопениями в Святогорском монастыре». Та тишина, которая стояла в аудитории, была красноречивым доказательством того, как взволновала

нас всех это знакомство. Жаль, что оно было кратким, всего полтора часа, но, наверное, в этом и прелесть жизни, что она состоит из таких мигов, которых уже нет – и не будет. И всё это похоже на сказку.

У каждого из нас, у русских людей, свой Пушкин. Пушкин – Соколовой А.Ф. нам очень понравился. Он встал с нами вровень, смертным человеком, любящим свою землю и свою историю, и сказал задушевно и просто: «Не бойтесь Вы меня, други, я Ваш от пяток до макушки, а что не поймёте, Вам разъяснят мои друзья, а их у меня много. Одна из них выступала сегодня перед Вами, поблагодарите её от всего сердца».

С 1985 года Семён Степанович Гейченко стал сильно болеть, но не расстался с мечтой восстановить усадьбу мельника в деревне Бугрово, потому что понимал, что сам невольно стал зачинщиком нового обряда-паломничества в Святые Горы. Он, как новоявленный дядька Никита протянул руки, чтобы подхватить, как дитя, израненную пушкинскую обитель, обогреть её своим сердцем, залатать причиненные раны, а полностью разрушенное в годы войны – восстановить.

Из моих земляков в Михайловском побывали поэты: Леонид Решетников, Александр Смердов, Илья Фоняков, писатель Виктор Лихоносов. Смердов написал прекрасную поэму «Пушкинские горы», она повествует об освобождении Михайловского и Пушкинских гор в Великую Отечественную войну. А прототипом для главного героя поэмы – Снежкова – послужил образ сибирского поэта Б. Богаткова (в нём запечатлён его характер и подвиг). Казимир Лисовский назвал эту поэму лучшим произведением, посвящённым Пушкину в наши дни.

Здесь отдали свои жизни пехотинец – командир взвода Бледных и ефрейтор, командир орудий 4-ой батареи Муравьёв Илья. Их имена высечены на обелиске, воздвигнутом на Чёртовой горе.

Поэт и личный друг С.С. Гейченко – Михаил Дудин написал проникновенные строки:

*Я странствовал по свету,
Я видел белый свет.
И к своему поэту
Пришёл держать ответ.
Не сетовать, не хвастать,
Не изливать души,
А просто молвить: «Здравствуй!»
И постоять в тиши.*

В двадцатисемилетнем возрасте посетил заповедник наш земляк Виктор Лихоносов (его малая родина – на левом берегу Оби, в Кривошёково). Приведу его воспоминания об этих днях:

«Я был моложе, очень любил Пушкина, ездил поклоняться ему. Преклонение очень воспитывает человека. Там, в вотчине Пушкина, его жизнь, судьба, там любовь моя к классике и всему родному достигла горной высоты. Разве это объяснишь? Так и будут до старости зарницами вспыхивать те мои дни. Я написал об этом, но всего не передал. Нет у меня слов! Для меня это путешествие стало тем же, чем для Пушкина (простите за сближение) Царское Село, а для наших прежних художников – созерцание фресок в Италии, куда их медалистов посыпали бесплатно на целый год. Но, главное – сочувствие судьбе великого поэта. Я видел сон, без которого был бы хуже, чем есть».

Гость Пушкинского альманаха

Закончу стихотворением собственного сочинения, посвященного С.С. Гейченко, чей портрет останется незавершённым, вероятней всего, никогда.

Разговор с С.С. Гейченко в Михайловском

*Не обижайтесь, не по злобе,
Сравню Вас с лешим из лесов,
Вы, как и он, немногословен
И дом Ваш – ставни на засов.*

*Причуда Ваша – самовары,
Конечно, дразнят нас. Зачем?
Вы выставляете товары,
Хоть не торгуете ничем.*

*Неужто только в юбилеи
По крупным датам и делам
Душа становится добреe
Ко всем, входящим в этот храм?*

*Висит нескладная табличка,
Зачем при жизни Вам музей?
Пропала чудная привычка
С порога узнавать друзей.*

*Устали... Верю. Трудной ношей
Себя Вы в жизни облекли.
Но, милый мой, родной, хороший
Ведь это только Вы смогли!*

*С одной рукой и болью в сердце,
Назло невзгодам и смертям.*

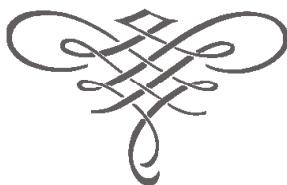
*А что сказала выше, верьте
Я в знак любви сказала Вам.*

*Стою под Вашим хмурым взглядом,
Но с просветленною душой.
Клен щедро сыплет листья рядом,
Как Вы негромкий и большой.*

*Сметает листья в кучу дворник,
Единственный на всё село.*

*Прости-прощай, седой затворник,
И здравствуй долго и светло.*

19.09.1980. с. Михайловское.

*Иркутские
страницы*

Светлана Жаргун

На сцене герои Пушкина

Один из старейших театров Сибири Иркутский Академический драматический театр им. Н.П. Охлопкова своё летоисчисление ведёт с 1850 года. В истории столицы Приангарья было много событий, которые меняли судьбу театра. Так, в сокрушительном пожаре 1879 года вместе с половиной города сгорело и деревянное здание театра, а далее на народные деньги было построено каменное, по проекту петербургского архитектора В.А. Шретера. В конце XX столетия была проведена реставрация и реконструкция здания: к его фундаменту был сделан пристрой, в котором разместилась Камерная сцена. Творческие амбиции коллектива подвигли дирекцию на своих площадях построить ещё две сцены, Другую и Четвёртую, которые предназначены для театральных экспериментов, поиска новых форм театральной выразительности.

На протяжении всей творческой судьбы Иркутский драматический театр тяготел к постановкам русской и зарубежной классики. В разные годы на его сцене шли постановки по произведениям А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и наших современников, писателя В.Г. Распутина и драматурга А.В. Вампилова – земляков иркутян, ещё при жизни названных классиками литературы. Особое место в репертуаре театра в XX веке занимали спектакли, поставленные по произведениям А.С. Пушкина. В разных трактовках не раз ставился «Борис Годунов», для маленьких зрителей шли спектакли «Руслан и Людмила», «Сказка о рыбаке и рыбке» и другие.

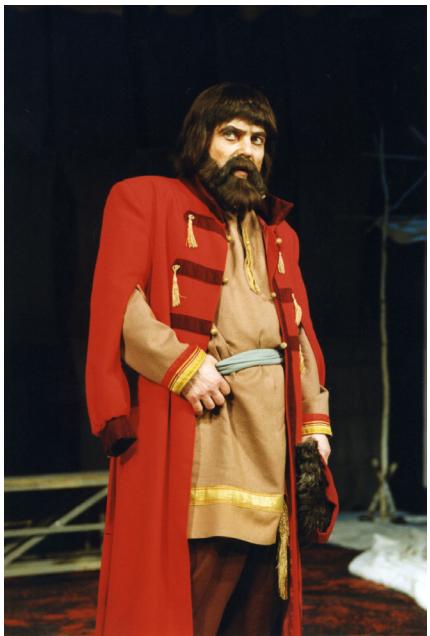
«Капитанская дочка»

К 200-летию со дня рождения поэта, в 1999 году, была поставлена инсценированная повесть «Капитанская дочка», в которой на фоне шумного многолюдья «пугачёвщины» разворачивалась пронзительная история любви двух сердец, выстоявших среди соблазна и страха. История надежды на то, что в нашем непрекращающемся бунте, «бессмысленном и беспощадном» (слова Гринёва были вынесены в эпиграф спектакля), всё же устоит русская душа.

Режиссёр спектакля, заслуженный артист РФ Александр Булдаков много знал о Пугачёве и том времени, в которое он жил. Это знание – от Пушкина-историка, от Пушкина-художника и не только: оно – от последних двух веков постылой «пугачёвщины», от музыки композиторов С. Габайдулиной, А. Шнитке, В. Артемьева. В музыке спектакля чувствовалась томительно-тревожная атмосфера жизни, в которой человек не приспособлен для существования.

Усиливало звучание постановки оформление художника, заслуженного деятеля искусств РФ Александра Плинта. Символика повешенных под колоколами, деревянный помост, на котором раз за разом «выходили» на передний план отдельные сцены, помогали актёрам играть в динамике и условности, в ускоренных ритмах, усиливающих общую атмосферу тревоги и неустроенности.

Режиссёр Александр Булдаков уверенно управлял многолюдным действием и делал камертоном спектакля образ Мужика, который выкатывал помост, взгромождался на него в роли Ямщика, потом вдруг являлся с топором в Петином сне, оборачивался Трактирщиком, и многое ещё кем по ходу спектакля становился этот персонаж. Казалось, за всеми поворотами сюжета он поджидал героев, от него все – и Пугачёв

*Пугачев – заслуженный артист
России Н. Дубаков.
Фото А. Бызова*

тоже! – зависят. А Мужик и сам не знал, что придумает в следующую минуту: или вдруг запоёт, или зарежет первого встречного.

Одним из главных персонажей спектакля был Емельян Пугачёв. С одной стороны, предводитель крестьянского восстания – безжалостный убийца, который после взятия штурмом Белогорской крепости начинает убивать людей, отказавшихся видеть в нём государя императора Петра III. С другой стороны, милосердный, не лишенный человеческих качеств странник.

В сцене беседы Пугачёва с Гринёвым раскрывались

многие душевые качества предводителя восстания. Пугачёву были свойственны народная мудрость и проницательность. Это позволяло герою трезво оценивать и свои силы, и возможности народного войска. Пугачёв говорил: «Улица моя тесна: воли мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро, при первой неудаче свою шею выкупят мою головою».

Почитаем Пушкина и через него взглядимся в себя. «Великие деятельности – проверочные моменты народной жизни, – говорил историк В.О. Ключевский в речи «Памяти А.С. Пушкина». – В них, как в зеркале, мы видим самих

себя, сквозь них всматриваемся в собственную душу; они объясняют нам нас самих».

«Евгений Онегин»

В 2003 году в Иркутском театральном училище был набран специальный курс студентов, выпускники которого должны были пополнить творческий состав Академического театра, стать его «свежей кровью». Художественный руководитель курса Геннадий Шапошников следил за учебным процессом, с первых шагов обучения внедрял ребят в свои постановки. Спектакль «Евгений Онегин» должен был стать дипломной работой студентов и в дальнейшем войти в репертуар.

В 2006 году на Камерной сцене Академического драматического театра имени Охлопкова состоялась премьера спектакля. В постановке и сценографии Геннадия Шапошникова роман Пушкина не полностью переносился на сцену, лишь его главные сюжетные линии. Повествование об отношениях Онегина и Ленского, сестер Татьяны и Ольги Лариных, их матушки и отца. Персонажи переливались на сцене в их исполнительской многоликиности. Роль Татьяны исполняли все пять участниц спектакля, примеряя на себя образ вуалевой завесы поэтической натуры героини, с ее влюбленностью и верностью супружескому долгу.

Два Ленских, два Онегина, пятый исполнитель – сам Пушкин, который занимался сочинительством, зримо показывая на сцене, как воображение может рождать поэтические образы. Сценическая полуправда, полувымысел, в которых позвякивание хрусталия может казаться звоном колокольчиков, а укол пишущего гусиного пера в грудь Ленского – роковым выстрелом на дуэли. Ироничность читалась во всем, и, в первую очередь, в отношении современных постановщиков

к образам Онегина и Ленского, придумавших свой имидж по модным образцам времени, в котором они жили. Но сценическое повествование поэтично, поэтому любовь Татьяны прописана серьезно, в проявлениях её душевных качеств.

Любовь, переливающееся чувство, оно переходит от одной исполнительницы Татьяны к другой, от одного сердца к другому. Чувства, которые испытывает девушка, потом взрослая женщина – итог несбывшихся надежд и неосуществленных желаний. Отповедь Татьяны Онегину начинает одна исполнительница, подхватывает другая, следующая. Пять сливающихся голосов, как заклинание произносят: «Но я другому отдана и буду век ему верна...»

Онегин и Ленский – мальчишки, каждый из которых играет свою роль – один скептика, другой романтическую натуру. Два брюнета и два блондина, дополняющие разным проявлением характеров противоречивые поступки своих героев. Схожесть с персонажами вековой давности импонировала юным исполнителям дня сегодняшнего. Чувствовалось, как хочется им быть похожими на лорда Джорджа Байрона или поэта Аполлона Майкова. Они легко, будто скользя, передвигались по сцене, часто садились к роялю, начинали играть популярные мелодии из классического репертуара XVIII–XIX веков. Исполняли по-настоящему, выразительно и чувственно.

Курс студентов был музыкальным, и ребята блистательно играли «Танец маленьких лебедей» из «Лебединого озера» Чайковского на горлышках бутылок, мелодично постукивая по ним вилками. Создавался музыкальный образ воздушного, полного опоэтизированного отношения исполнителей к эпохе «золотого века», которую они представляли на сцене. Была в постановке и протяжная народная песня, будто родившаяся из той, которую исполняла поэту няня Арина Родионовна.

Были в спектакле по-настоящему метафорические сцены, которые проявляли не только сюжет, но и отношение к нему исполнителей. Онегин, отчитав за неосторожное проявление чувств Татьяну, рвал ее письмо, когда сам объяснялся ей в любви, бережно подбирал каждый кусочек послания. Интересна игра и с пустой рамой зеркала, которая могла быть калейдоскопом, на котором представляла Ольга, и настоящим зеркалом, отражающим одного исполнителя в другом: лица чем-то похожи, но каждое имеет свое выражение.

Студенты в постановке художественного руководителя курса Геннадия Шапошникова легко и уверенно прочитали роман в стихах Пушкина. Они поняли его смысл и смогли донести его до зрителей. Не назидая о том, что надо быть искренним, не надевать на себя чужие маски, они говорили о том, что, если пришла любовь, надо ее принимать как дар Божий.

Спектакль «Евгений Онегин» не сошел с иркутских подмосток и сегодня продолжает идти на Камерной сцене театра. В новой сценической редакции постановки играют молодые артисты, выпускники Театрального института имени Бориса Щукина, которые с тем же азартом и юношеским запалом прочитывают роман в стихах великого писателя.

«Маленькие трагедии»

Следующей постановкой по Пушкину были «Маленькие трагедии». Режиссёр Геннадий Шапошников назвал спектакль «Сумерки богов». Его герои – любовники, завистники, скареды, гордецы переживают страсти, ведомые только богам. Испепеляющая душу страсть выделяет человека среди множества людей, обремененных земными заботами. Исследовать это чувство, значит понять побудительные мотивы

Актриса Е. Гайдукова.
Фото. А. Бызова

всякого, кто обрек себя на неминуемую гибель или пожизненное одиночество. Именно страсть заставляет человека поступать так, как никто бы другой не поступил, она – властительница чувств, госпожа разума тех, кто поддался искушению возвысить себя до Бога.

«Маленькие трагедии» – шедевры, которые написаны драматургическим языком, но не служат поводом для постановок в театре, считаясь, наряду с другими произведениями гениального поэта, тра-

гедиями для чтения, индивидуального проживания чувств их героев. Отдельные пьесы – «Моцарт и Сальери» или «Дон Гуан» играли русские актеры Михаил Щепкин, Василий Кааратыгин, Павел Мочалов, но они не достигали вершин характеров, описанных Пушкиным. Театр советского периода тоже обращался к «Маленьким трагедиям», правда история умалчивает о каких-нибудь заметных победах на этом поприще. Для широкой аудитории «Маленькие трагедии» стали интересны в телевизионной интерпретации Анатолия Эфроса, который в театре ставить их не захотел, понимая, что для их решения нужны иные формы, которых на сцене

достичь трудно. Этот фильм в постановочных приемах был театрален, и его атмосфера достигалась антуражем подлинных замков и его залов, кладбищ и статуй, стоящих на могилах, часовен и икон, на фоне которых блистали своим мастерством Сергей Юрский, Иннокентий Смоктуновский, Владимир Высоцкий, многие другие актеры. Казалось, после фильма Эфроса не всякий режиссер отважится ставить «не сценические» трагедии Пушкина.

Шапошников отважился. Его поступок был схож с поступком прадеда поэта Ганибала, отправившегося по приказу Елизаветы в далекую Сибирь на строительство Селенгинской крепости. Иркутяне, которые видели своими глазами предка великого абиссинца, противостоящего великому Риму, внесли это событие в аналоги своих летописей, хранили книги с антропологическим исследованием родословной великого поэта, доказывающие, что он был не негром и не эфиопом – предком сыновей Абиссинии, сохранившим к дате своего рождения их кровь всего лишь на одну-восьмую часть.

Генеалогическое древо Пушкина начинается со времен Великого Рима, его прадеда крестил сам Петр Великий — поэт соединил в себе горячую кровь южного народа и русскую сдержанность. Он был зависим от случая, в мистическую неизбежность которого верил (только перебежавший дорогу заяц остановил поэта, отправившегося на Сенатскую площадь), был порывист и жил чувствами. Кто, кроме Пушкина, мог написать в России трагедии о страстиах человеческих?

Шапошников спектакль начинает со сцены из «Фауста», в которой, продавший душу Дьяволу, помолодевший старик, жалуется: «Мне скучно Бес...». А далее идут четыре пьесы, которые, несмотря на их краткость, рассказывают о грехах: скupости, зависти, прелюбодеянии, гордыне. Режиссер спле-

тает их в единое целое, которое может проявляться в одном человеке – обладателе множества лиц.

Бес правит поступками человека, перевоплощаясь то в жида, то в слепого музыканта, то в духа «хищных птиц». Бес – ловец душ, разжигает в них страсти, запрещенные Создателем. Божественное предназначение человека забыто, остались только стремления возвыситься и удовлетвориться собственными прихотями. Кто может запретить Барону из «Скупого рыцаря» испытывать наслаждение от созерцания золата, остановить Сальери из «Моцарта и Сальери» подсыпать гению яд в бокал с вином, и может ли дон Гуан из «Каменного гостя» поступать не так, как повелевают его ненасытные желания?

Слияния персонажей спектакля «Сумерки богов» со зрительным залом не происходило. Герои словно были отстранены от людей, пришедших смотреть трагедии, которые звучат почти бесстрастно, сосредоточены на чувствах, раздирающих героев изнутри. Эти герои и друг с другом общаются редко, потому что каждый сосредоточен на самом себе. Гиперболизацию происходящего отражают тусклые зеркала, которыми покрыты стены, колонны, даже спинки стульев, составляющие часть декораций. Стулья могут быть поставлены в один ряд, а могут быть разбросаны веером или стоять в боевом каре. Это зависит от метафоры, которая необходима режиссеру в построении той или иной мизансцены.

Атмосферу трагедии подчеркивают странные персонажи, точно сомнамбулы, двигающиеся в глубине сцены. Это сама «Чума», пожирающая жизни смирившегося города, и «хищные птицы духа», вселившиеся в сердца героев. Режиссером они придуманы во множественности лиц с пустыми глазницами, похожестью на зловещих птиц с длинными клювами, образы которых навеяны венецианскими масками – символами

древнего праздника, призванного не только увеселять, но и устрашать. Готовы ли живые люди представить потусторонний мир, могут ли покаяться, чтобы не встречаться с ужающими его обитателями? Маски – соглядатаи поступков, испепеляющих душу, ожесточающих сердца.

Почему скаредность приравнена к греху? Что хотел сказать Пушкин, делая Барона, его сына Альбера героями своей трагедии «Скупой рыцарь»? Только ли о ненависти сына, вынужденного ждать смерти отца? Один грех порождает другой, более страшный, калечащий не только жизнь, но и душу юноши, который с возмущением отвергает предложение Жида отравить отца, но с радостью поднимает перчатку, чтобы вступить с ним в поединок. Ненависть движет близкими людьми, заставляя старшего видеть только блеск золотых дукатов, младшего — думать о них, чтобы приобрести рыцарскую амуницию.

Страсти испепеляют: отец, не выдержав напряжения поединка с сыном, падает замертво. Но это не финал, не путь к исполнению желаний юного Альбера. Душа покойного отца переселяется в отпрыска, завороженного блеском денег. Зачем тратить то, что притягивает, становясь кладом, сокрытым от посторонних глаз. Наедине с золотом можно ощущать себя властелином мира, которому не нужно похваляться рыцарской удалью. Отец оставляет сыну не богатство, он завещает ему свой грех. Режиссер искал и нашел продолжение родства душ героев «Скупого рыцаря» в поклонении «злату телу», приравненному к идолопоклонничеству.

Окончена трагедия о скромном рыцаре, отдавшем предпочтение созерцанию денег, вместо стремления к подвигам. Сколько еще грехов должно быть совершено, чтобы понять, куда они могут привести человека? Почти с математической точностью Геннадий Шапошников начинает просчитывать

грех зависти, показанный поэтом в трагедии «Моцарт и Сальери».

Историю взаимоотношения двух композиторов Пушкин придумал, но и в действительности было что-то загадочное в ней. Моцарт рано ушел из жизни, Сальери прожил до глубокой старости, в которой, сойдя с ума, утверждал, что отравил гения. Как бы ни разворачивались события в реальной жизни, но зависть не позволила старику-Сальери уйти в мир иной со светлым разумом: «Не дай нам Бог сойти с ума, уж лучше посох и сумма...»

В спектакле Сальери будет мучить вопрос: «Гений и злодейство, две вещи не совместные?» Вопрос, на который нет ответа. Человечество погрязло в убийствах, и каждый злодей считал, что совершает его во имя высокой гуманности. Правда, если речь идет не о бессмысленных или корыстных преступлениях, о тех, которые наполнены глубокой верой в необходимость своего действия. Цари убивали царей, императоры – императоров, но могут ли быть способны на убийство люди, которые пытаются «гармонию измерить алгеброй»? Пушкин считал, они-то и могут!

Причина убийства Моцарта проста: зависть к композитору, который музыку не сочинял, она жила в нем, вырываясь звуками, навсегда подчиняющими себе человеческие сердца, заставляющими смеяться и плакать, уноситься в выси, где обитает Всевышний. Юный Моцарт был озарен светом и радостью жизни, повзрослев, получил заказ написать «Реквием», который стал для него поминальной молитвой.

Гениальность Моцарта – данность, которую Пушкину не надо доказывать. Не было необходимости исследовать его характер, важен был Сальери, возомнивший себя судьей, который может приговорить гения к смерти. Прежде чем отравить Моцарта, стареющий композитор придумывал мно-

жество оправданий, каждое из которых утверждало его в собственной правоте. Он бы и оставался на вершине торжества, совершенной им «справедливости», если бы не случайная фраза, брошенная Моцартом: «Гений и злодейство, две вещи несовместные...» Так что же, Сальери не гений, всего лишь жалкий завистник, устранивший соперника? К счастью, гения устраниить невозможно, оболочка может покинуть бренное тело, но дух уничтожить нельзя. Гениальность и заключается в том, что остается бессмертной.

Вершину «Маленьких трагедий» – «Каменного гостя» – актеры играли с той самоуверенностью и неоглядностью поступков, какими наделил героев Пушкин. Существует легенда происхождения Дон Жуана: Бог решил создать совершенного человека. Создал и забыл о нем. Но Дьявол! Он никогда и ни о ком не забывает, этого совершенного человека он лишил чувства удовлетворения. Трагизм Дон Жуана заключается в вечном стремлении к вершине чувств и полном разочаровании в своей возлюбленной. Божественное начало заставляет его находиться в постоянном поиске любви, дьявольская прихоть отравляет разочарованием. Дон Жуан не может преодолеть противоречия, поэтому стремится к смерти, как к ложу своей последней возлюбленной.

Жизнь словно игра, в которой постоянно надо совершать поступки, противные не только Создателю, но и самому человеку, не лишенному разума, но стремящемуся к безрассудству. К донне Анне Гуан испытывает чувства, которые вспыхивают в нем пламенем испепеляющей любви. Добившись взаимности, он готов совершать подвиги. Какие? Бросить вызов Командору, пригласить статую посмотреть на его триумф.

Мистическая история, в которой Дьявол противостоит самому Богу, должна была окончиться разверзшимися небесами. История, в которой шпага не спасет, сам ад обрушится

на любовника, заслужившего справедливое возмездие. Дон Гуан не волен выбирать свою судьбу, она была предначертана ему свыше для того, чтобы служить примером абсолютного греха, за которым последует неминуемое наказание. Адом, поглощающим Гуана, на сцене становится задний занавес, который начинает обретать конфигурации, повторяющие очертания искореженных тел, бугров и черных впадин, в одной из которых исчезает несчастный герой.

Трагедии необходимы, чтобы, глядя на страдания их героев, человек мог испытать катарсис, очищение своих чувств страданиями людей, погрузившихся разумом в сумерки, где нет любви и нет Бога. И все-таки Пушкин к дон Гуану милосерден. Он наделяет его отвагой, которая редкодается человеку. Любовник у поэта становится победителем, потому что протянуть руку смерти может только настоящий герой. Впрочем, для Пушкина все персонажи его трагедий наделены полюсами лучших и худших качеств, которыми обладает человек.

Наверное, поэт и сам до конца не знал, в каких случаях люди могут управлять своими поступками, а, когда ими руководит провидение, насколько зависимы они от предначертанности судьбы, и возможно ли исправить то, что записано в их книге жизни? Поэт не был философом, писал вдохновенно, будто считывал идеи с небес. Не значит ли это, что герои «Маленьких трагедий» – предупреждение человечеству, постоянно стремящемуся к нарушению заповедей Господних?

Впрочем, предупреждений каждый получает множество, но поступает так, как диктуют взбунтовавшиеся страсти. Не хочется верить, что от рождения все мы поделены на созданий, сотворенных Богом, и тех, в кого вселяется Дьявол. Сколько живет человек, столько и задается вопросом, почему добро часто бывает бессильно перед злом, почему заповедь

«Не убий» так легко нарушается. Остановить человека не может ни страх перед адом, ни заповеди, следуя которым, он не совершил бы греховых поступков.

Последняя трагедия, которая завершает сюжет спектакля, – «Пир во время чумы». Она становится поводом того, чтобы рассмотреть один из главных грехов человека – гордыню. А, может быть, непокорность обстоятельствам, продиктованным человеку жизнью? Фантастической силе духа, противостоящей унынию? Как ни поворачивай ситуацию, но и гордыня, и уныние – грехи, которым человек бывает часто подвержен.

Когда во времена Екатерины II на Россию обрушился тиф, усмирять болезнь отправился ее фаворит Григорий Орлов. Императрица страшно беспокоилась за его жизнь, он же только улыбался: «Никакая болезнь взять меня не сможет, я заговорен». Заговором служила его вера в неуязвимость, умение побеждать в себе страх. Орлов тогда справился с болезнью, спас не один город от заразы, грозившей поглотить множество жизней, он не допустил ее распространения в масштабах государства. Силой духа побеждаются не только болезни, она помогает человеку стать вершителем собственной судьбы.

В небольшом помещении, в котором еще не поселилась чума, за столом собирались все обитатели трагедии, сыгранных в спектакле. Здесь Барон будет смотреть холодными глазами на происходящее, завистник Сальери и гений Моцарт, слуги, женщины дон Гуана и сам великий любовник, притихший в обстоятельствах смертоносной опасности. Правит пиром Председатель. Непокоренный и не сломленный, гордый и свободный от предрассудков. Как можно предаваться веселью, когда под окнами постоянно слышен скрип телеги, перевозящей мертвые тела? Почему Председатель бросает вызов болезни, покрывающей мором все живое?

Говоря языком XX века, трагедия «Пир во время чумы» оптимистическая. Человек, не поддающийся унынию, может преодолеть смерть и не важно, что он ведет себя вызывающе, что это не глумление над памятью погибших, что это преодоление в себе страха во имя жизни. Святая вера, которая может победить любую болезнь, помочь человеку преодолеть препятствия, наконец, в войне победить врага.

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.*

Святая Русь во все времена была отмечена греховностью ее правителей. Бунтующий народ тоже праведным не назовешь. «Маленькие трагедии» Пушкин писал не о рыцарях и композиторах, их образами поэт измерял степень падения людей, не научившихся жить без конфликта в душе, без поступков, низвергающих в бездну нравственного опустошения. Как можно крестить лбы, просить у Господа милосердия, если сам не способен любить и быть милосердным?

Не случайно в спектакле «Сумерки богов» сцена покрыта зеркальным материалом, отражающим фигуры его героев. Грехи имеют свойство множиться, а попадая в зеркальный коридор, отражаться в пространстве бесконечности.

Выводы делать нам, потомкам великого поэта. Иркутский Академический драматический театр имени Н.П. Охлопкова продемонстрировал уважительное и глубокое отношение в познании произведений Александра Сергеевича Пушкина, сделал поэта современником зрителей XXI века, не утративших умение сопереживать и понимать его героев.

*Поэтические
страницы*

Геннадий Ипаликов

Три посвящения Пушкину

1

Люблю Державинские оды,
Сквозь трудный стих блеснет строка,
Как дева юная легка,
Полна отваги и свободы.

Как блеск звезды, как дым костра,
Вошла ты в русский стих беспечно,
Шутя, играя и навечно,
О легкость, мудрости сестра.

2

Влетел на свет осенний жук,
В стекло ударился, как птица,
Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут,
Я счастлив собираться, торопиться.

Там на столе грибы и пироги,
Серебряные рюмки и настойки,
Ударит час, и трезвости враги
Придут сюда для дружеской попойки.

Редеет круг друзей, но – позови,
Давай поговорим как лицеисты
О Шиллере, о славе, о любви,
О женщинах – возвыщенно и чисто.

Воспоминаний сомкнуты ряды,
Они стоят, готовые к атаке,
И вот уж Патриаршие пруды
Идут ко мне в осеннем полумраке.

О собеседник подневольный мой,
Я, как и ты, сегодня подневолен,
Ты невпопад кивай мне головой,
И я растроган буду и доволен.

3

Вот человеческий удел –
Проснуться в комнате старинной,
Почувствовать себя Ариной,
Печальной няней не у дел.

Которой был барчук доверен
В селе Михайловском пустом,
И прадеда опальный дом
Шагами быстрыми обмерен.

Когда он ходит ввечеру,
Не прадед, Аннибал-правитель,
А первый русский сочинитель
И – не касается к перу.

Анатолий Чернышёв

Лицедею

А Пушкин где?
Есть баки, есть парик,
Но нет души великого поэта.
В чужое тело не влезай, стариk,
Когда родства с его натурой нету.
Его улыбку, мимику его
Не тело, нет! – сама душа диктует.
Подспудное, живое естество
Выплескивает ауру святую.
Поймай её,
Почувствуй боль и грусть
И глубину державную в печали.
Без парика?
Без грима?
Ну и пустъ.
Не баки мы в поэте отмечали.
Есть дух его.
Есть подлинный поэт,
Как будто отделившийся от тела.
Да, грима нет.
И баков тоже нет.
Но разве в этом творческое дело?

* * *

Куда уходит время?
Да, куда
Уносит краски, звуки, ароматы?
И красота не та уже, не та.
А та исчезла, уплыла куда-то.

Ни адреса, ни прочих позывных.
Не позвонить, не попросить о встрече.
Не надо красок и минут иных,
Вернуть бы тот неповторимый вечер.

Но он ушёл куда-то в никуда.
Истаял в неизвестности Вселенской.
А тут с хрестоматийного листа
Онегину толкуют что-то Ленский.

* * *

Камин.
Задумчивый огонь.
Тепло, уют, воспоминанья.
Полузабытые преданья,
Где бьёт копытом гордый конь.
Ухоженный дворянский быт,
В халате байковом домашнем.
В веках затерянный,
Вчерашний,
Но вот, поди ж ты, не забыт.
На генном уровне живёт
И греет праведные души.
Далёкий отсвет не потущен,

И пламя выбьется вот-вот.
Его не вытравить,
Не скрыть
В душе, виденьями томимой.
Присесть бы тихо у камина
И с вечностью поговорить.

Изобразительная
Пушкиниана

Александр Громов

Самарские «пушкинские» жетоны

Каких только вещей не собирают люди – от иголок до паровозов. Список коллекционных дисциплин давно уже составляет добрую сотню наименований. Одно из первых мест в этом списке по праву занимает «Нумизматика», ставшая важной вспомогательной исторической дисциплиной. Нумизматика (от лат. *numismae* – монеты) занимается историей монетной чеканки и денежного обращения. По об разному выражению жившего в г. Баку советского историка, специалиста по наградам Р.В. Шейна (1929 – 1992) «Сестрой нумизматики является фалеристика» (см. «Декоративное искусство СССР, 1965, №8). Название «Фалеристика» произошло от латинского слова *falerae*, означавшего металлические бляхи воинского отличия римских легионеров. Фалеристика занимается историей орденов, медалей, значков и также является важной вспомогательной исторической дисциплиной. От фалеристики в своё время отделилась «Жетонофилия», в сферу интересов которой входят различные виды жетонов (от фр. *jeton* – металлический кружок). В нашей стране «Жетонофилю» часто называют на западный манер: «Токенофилия» (от англ. *token* – жетон), соответственно, коллекционеры жетонов – это «жетонофилы» или «токенофилы».

Жетоны изготавливаются из различных металлов или другого прочного материала (слоновая кость, кожа, твердый картон, пластик). Они с древних времен использовались в качестве денег в период их нехватки. Жетонами оплачивают

также различные услуги. В Римской империи, например, существовали специальные латунные жетоны «спинтрии» (spintriae – лат.), которые обеспечивали вход в ... публичные дома. Подобные жетоны выпускались также в конце 19-го – начале 20-го вв. в Европе и США. Существует большое количество видов жетонов: торговые, солдатские, шахтерские, актёрские, молочные, игральные, и т.д. и т.п. Они бывают круглые, квадратные, треугольные, овальные, встречаются и более экзотические формы. Чаще всего жетоны имеют вид круга, их обычный размер – с монету средней величины (около 3 см в диаметре).

Две большие группы жетонов – это «наградные» и «памятные» («юбилейные») жетоны. Не имея официального государственного статуса, они позволяют, тем не менее, отмечать юбилеи и успехи учебных заведений, воинских частей, больниц, различных организаций и отдельных лиц. Подобные жетоны были особенно популярны в 19-м веке. Часто они изготавливались из дорогих металлов и являли собой образцы высокого ювелирного искусства. Многие жетоны были выполнены лучшими мастерами – медальерами своего времени. Как правило, жетоны имели ушко, в которое продевались цветные носильные ленты.

«Пушкинские» памятные жетоны появились во второй половине 19-го века, пик их выпуска пришелся на юбилейные торжества, посвященные столетию со дня рождения А.С. Пушкина (1799–1899 гг.). «Пушкинские» жетоны – это большая и очень интересная тема, заслуживающая отдельного разговора. За неимением места и времени покажем здесь лишь несколько особо редких юбилейных жетонов конца 19-го века. Но сначала вспомним, что впервые образ А.С. Пушкина был запечатлен на медали (бронза, 41,8 мм), появившейся в 1862 году и приуроченной к 25-летию со дня смерти поэта.

Её автором был известный петербургский медальер академик И.И. Чукмасов (1831–1864). Первый «пушкинский» жетон датируется 1880 годом. Он был выполнен из серебра неизвестным мастером в связи с открытием памятника А.С. Пушкину в Москве (скульптор А.М. Опекушин). На аверсе круглого жетона (28,0 мм) представлен (погрудный) портрет поэта и содержатся надписи: «В память русск. поэта А.С.Пушкина» и «1799–1880».

*Медаль «В память 25-летия со дня смерти А.С.Пушкина». 1862.
Бронза*

Жетон «В память русск. поэта А.С.Пушкина». 1880. Серебро

В 1889 году в Одессе был торжественно открыт памятнику А.С. Пушкину (скульптор Ж.А. Полонская), в том же году в честь этого события вышел круглый жетон (32,0 мм) неизвестного автора. На аверсе жетона помещены: (погрудный) портрет А.С. Пушкина, не отличающийся большим сходством

Изобразительная Пушкиниана

с классическими портретами поэта, и надпись: «Пушкину граждане Одессы», повторяющая надпись на пьедестале памятника.

Жетон «Пушкину граждане Одессы». 1889.
Медь, белый металл

Интересны памятные «пушкинские» жетоны, выполненные по инициативе бывших лицеистов. Приведём изображение редкого серебряного жетона (19,0 мм), выполненного неизвестным мастером и являющимся данью памяти великому поэту от 60-го выпуска Александровского лицея. (Царско-сельский лицей после переезда в 1843 году в Санкт-Петербург стал называться «Императорский Александровский лицей»). На аверсе жетона помещён профиль поэта (поворот влево) и надпись «1811–1817». На реверсе помещены надписи: «LX» (номер лицейского выпуска) и дата: «19 марта – 1899».

Жетон «Пушкину от лицеистов 60-го выпуска». 1899. Серебро

Наша короткая экскурсия по памятным «пушкинским» жетонам подошла к концу, надеемся когда-нибудь вернуться к этой теме.

Обратимся к еще одной категории многочисленного семейства жетонов – к «транспортным» жетонам (*transport tokens* – англ.), тем более, что среди них мы рассчитываем найти несколько жетонов «пушкинской» тематики. Транспортные жетоны появились в середине 19-го века сразу в нескольких странах, в том числе в России, и сразу завоевали широкую популярность. Ими стали оплачивать проезд на наземном и водном транспорте. С появлением метрополитенов появились специальные жетоны для оплаты этого вида городского транспорта. Коллекционирование жетонов метро носит довольно странно звучащее по-русски название: «Вектуризм» (этимология словосочетания нам неизвестна).

Перенесемся в современный Санкт-Петербург, северную столицу России. Среди юбилейных жетонов местного метрополитена (их число приближается к пятидесяти) один с полным правом может быть отнесен к «пушкинским». В ноябре 2005 года, к 50-летию метрополитена был выпущен набор жетонов с изображениями восьми первых станций. Среди них был жетон (латунь, диаметр 23,1 мм, толщина 1,6 мм, тираж 10 000 шт.), на котором изображена станция «Пушкинская», которая находится в непосредственной близости от Витебского вокзала (ранее назывался Царскосельским) – самого первого в России железнодорожного вокзала. Его деревянное здание было построено в 1837 году, современное каменное строение появилось в 1904 году. Линия железной дороги длиной 24 километра соединила столицу с Царским Селом – императорской загородной резиденцией. Мы хорошо помним, что в 1810 году в Царском Селе был открыт Императорский Царскосельский лицей, привилегированное высшее

Изобразительная Пушкиниана

учебное заведение для дворянских детей, славу которому принесли лицеист первого выпуска А.С.Пушкин и многие другие выпускники.

*Жетон станции метро «Пушкинская».
Санкт-Петербургский монетный двор. 2005*

Из северной столицы наш путь лежит на берега великой русской реки Волги, в город Самару. В мае 1995 года местная администрация ввела в обращение месячные транспортные жетоны для проезда на наземном транспорте (кроме такси). Первый жетон с изображением маршала Г.К. Жукова был приурочен к 50-летию победы в Великой Отечественной войне и являлся проездным документом на май 1995 года. Наравне с жетоном продолжали действовать проездные документы на бумажной основе, однако металлический жетон («сезонка», как называли его жители города) быстро завоевал популярность, и многие предпочитали пользоваться именно им.

Далее последовали выпуски транспортных жетонов, посвященных: основателю города князю Г.О. Засекину (ок. 1550 – 1592), различным событиям из истории города Самары и Самарского края, градоначальникам и губернаторам, выдающимся землякам, городам – побратимам и т.д. Жетоны заказывали многие учебные и исследовательские институты, городские и общественные организации, Самарская епархия

РПЦ. Транспортные жетоны изготавливались из различных металлов. Аллюминий использовался для массовых жетонов, служивших в качестве проездного документа (тиражи 2500 – 1000 экз.). Для коллекционеров выпускались малотиражные жетоны из латуни и меди, а также штучные из мельхиора и серебра (по заказам). На реверсах самарских транспортных жетонов помещались надписи: «Самара», год выпуска жетона и изображение герба города Самары, а также служебные надписи (чаще по кругу): «Троллейбус, трамвай, автобус» и «Для проезда в течение месяца». (Краткое описание герба г. Самары: «Дикая коза, стоящая на траве в голубом поле»; герб был впервые утверждён 22 декабря 1780 г.). Транспортные жетоны выпускались также в городе Чапаевске Самарской области, там их раздавали малоимущим слоям населения (на дворе были трудные 1990-е годы).

Выпуск самарских транспортных жетонов продолжался более двух лет и был прекращен по решению городской мэрии осенью 1997 года. Уже в наши дни малым тиражом вышли три жетона, посвященные: 60-летию самарского троллейбуса (2002 г.), 40-летию газеты транспортников «За регулярный рейс» (2003 г.) и 90-летию самарского трамвая (2005 г.). Эти жетоны были исключительно «ведомственными» и уже не предназначались для массового использования в качестве проездных документов.

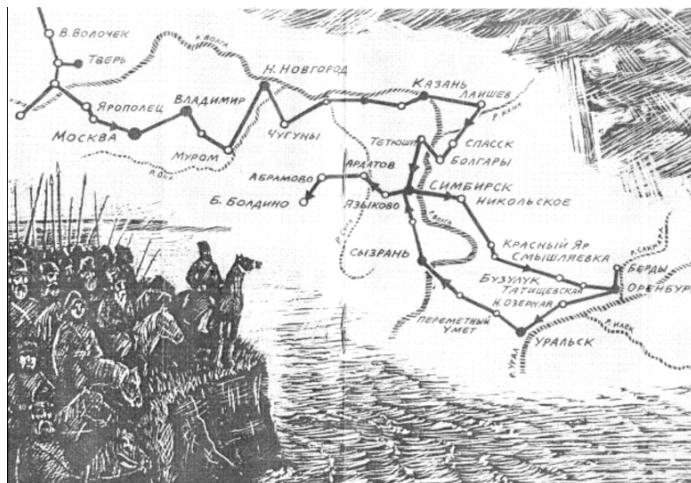
Всего в Самаре было выпущено около 50 транспортных жетонов – неплохая подборка, наглядно рассказывающая об истории и современной жизни приволжского города. Не случайно, что самарские жетоны уже давно пользуются за-служенным спросом у коллекционеров. Чтобы достойно отметить короткий, но славный период выпуска самарских транспортных жетонов, известные местные мастера – «войсковой медальер Волжского казачьего войска» Александр

Владимирович Абрашин (р. 1946) и Вячеслав Васильевич Агафонов (1949 – 2014) совместно изготовили малотиражный номерной жетон по случаю двадцатилетия выпуска первого транспортного жетона города Самары. Жетон вышел в 2015 году. На его аверсе были помещены: цифра «XX», портреты медальеров и их клейма, на реверсе размещены надписи: «1995–2015» и «Двадцать лет транспортному жетону Самары». Памятный жетон изготавливался из алюминия, меди, латуни и серебра. Было выпущено по 10 номерных жетонов в каждом металле, а также примерно 10 алюминиевых жетонов без номера.

Существует большое количество разновидностей самарских транспортных жетонов. Они имеют различия в изображении герба и его размещения на реверсе, имеются различные варианты размещения надписей и т.д. Задачу коллекционеров по сбору полной коллекции транспортных жетонов затрудняет обилие всевозможных надчеканов (нанесение дополнительных надписей и изображений на медаль, монету, жетон). Они делались на официальных жетонах по истечению срока их действия, а также на жетонах, выпускавшихся исключительно для коллекционеров. Абсолютно полного каталога самарских транспортных жетонов и их разновидностей не существует, да и вряд ли его можно составить.

Одной из последних серий самарских транспортных жетонов, служивших официальными проездными документами, стала серия под названием «Пушкин в Самарском крае». Её жетоны былигодны к оплате услуг наземного транспорта в сентябре 1997 года. Название серии полностью соответствует исторической правде. Действительно, А.С. Пушкин проезжал осенью 1833 года неподалеку от Самары, направляясь в Оренбург к местам пугачевского восстания для сбора материалов для повести «Капитанская дочка» (это было самое

протяженное путешествие поэта). Маршрут А.С. Пушкина пролегал по большим проезжим дорогам через Красный Яр на Смышляевку, а оттуда по почтовой дороге до самого Оренбурга. В Самару, куда в то время вела разбитая проселочная дорога, А.С. Пушкин заезжать не стал.

Карта путешествия А.С.Пушкина осенью 1833 г.

На аверсе «пушкинского» транспортного жетона изображен профиль поэта (поворот вправо), по окружности размещены надписи: «А.С. Пушкин в Самарском крае» и «Сентябрь» (срок годности жетона). Основной тираж жетона, предназначенный для продажи населению, был выполнен из алюминия (100 шт.). Для коллекционеров были выпущены мало-тиражные жетоны из латуни и меди (по 50 шт.) и по заказу – штучные из мельхиора и серебра (по 7 шт.). Встречаются также биметаллические жетоны. Реверсы всех «пушкинских» жетонов содержат изображение герба Самары и типовые для самарских транспортных жетонов надписи, обозначающие назначение жетона и срок его годности. На «пушкинском»

Изобразительная Пушкиниана

жетоне, выполненном из латуни, герб города расположен в центре, на остальных жетонах он смещён вверх.

Жетоны серии «А.С.Пушкин в Самарском крае», как и другие самарские транспортные жетоны, имеют разновидности. Встречаются жетоны с другим, нежели это указано выше, расположением герба на реверсе, существуют отличия в рисунке рогов «козы», в расположении надписей и т.д. Особо отметим, что на «пушкинских» транспортных жетонах делалось большое количество самых разнообразных надчеканов. (Каждому коллекционеру приятно «увековечить» себя на «пушкинском» жетоне.)

Жетон «Пушкин в Самарском крае». Аверс

Жетон «Пушкин в Самарском крае». Два вида реверса

Автором большинства самарских транспортных жетонов являлся местный житель В.В. Агафонов. (Некоторые жетоны выполнил А.В. Абрашин.) Долгие годы Вячеслав Васильевич работал в должности заведующего лабораторией Куйбышевского электротехнического института связи (в настоящее время – Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики), а в начале 1990-х гг. смог полностью посвятить себя любимому делу – выпуску медалей. Интерес к фалеристике возник у него с юношеских лет. Сначала коллекционировал значки и медали, тратя на собирательство скромную стипендию, а затем увлекся изготовлением собственных образцов медалей. Путь к совершенству был у В.В.Агафонова долгим и тернистым. Свою первую медаль он отлил в четырнадцать лет из свинца, затем работал в технике гальванопластики, но результаты не удовлетворяли мастера, и постепенно он перешел к классической чеканке, что дало свой результат – его медали стали действительно высокого качества. Всего самарский медальер исполнил свыше 200 медалей и жетонов, посвященных в основном выдающимся людям и памятным событиям самарской истории. По стопам отца пошла его дочь Дарья Краснова. Сегодня это состоявшаяся художница, работающая в различных жанрах, в том числе и в медальерном (её медаль есть в коллекции самого Эрмитажа!). Приводим фото редкой медали, изготовленной Дарьей к 60-летию отца.

Медаль к 60-летию В.В. Агафонова

В.В. Агафонов помимо транспортных жетонов «Пушкин в Самарском крае» исполнил еще два памятных жетона «пушкинской» тематики. Коротко скажем о них. В Самаре в 1987 году при «Клубе 1905 года», что располагался во Дворце культуры железнодорожников, был создан клуб «Пушкинист». (Отметим, что сегодня дом культуры носит имя А.С. Пушкина. Его здание – это бывший «Пушкинский народный дом», построенный в 1903 году в стиле модерн по проекту самарского архитектора Ф.П. Засухина.) В 1994 году клуб «Пушкинист» был преобразован в «Пушкинское общество г. Самары». В течение первых 16 лет общество возглавлял А.И. Тицкий (р. 1923), сегодня им руководит А.А. Желязняков (р. 1937). Общество проводит большую культурную и просветительскую работу, организует многочисленные мероприятия. В 2002 году, к пятнадцатилетию со дня своего основания «Пушкинское общество г. Самары» заказало В.В. Агафонову памятный жетон, который им был мастерски исполнен.

Жетон имеет круглую форму (диаметр 28,0 мм, толщина 3,3 мм), на его аверсе помещён профиль А.С.Пушкина (поворот влево), по окружности идет надпись: «Пушкинское общество г. Самары». Жетон «Пушкинского общества» изготавлялся из следующих металлов: алюминий (80 шт.), медь (80 шт.), латунь (80 шт.), мельхиор (15 шт.) и серебро (10 шт.). Реверс жетона имел две разновидности: на нём либо изображался губернский герб с надписью по кругу «Самарская губерния» либо проставлялись юбилейные даты «1987 – 2002». (Краткое описание герба Самарской губернии: «Серебряный дикий козёл с золотыми рогами, помещённый на лазоревый геральдический щит»; герб впервые был утверждён 5 июля 1878 г.).

Жетон «Пушкинское общество г. Самары». Аверс

Жетон «Пушкинское общество г. Самары». Два вида реверса

В заключение упомянем еще одну работу В.В. Агафонова, относящуюся к «пушкинской» тематике. В 2007 году им была исполнена памятная медаль, посвящённая 50-летию Государственного музея А.С.Пушкина (основан в Москве 5 октября 1957 г.). Медаль была заказана медальеру Самарским епархиальным церковно-историческим музеем (открыт в мае 1997 г.). На аверсе медали (диаметр 45,0 мм) помещены: профиль А.С.Пушкина (поворот влево) и надпись: «Государственному музею А.С.Пушкина 50 лет». На реверсе содержится надпись: «В память свершившегося юбилея от Самарского епархиального церковно-исторического музея 2007». Основной тираж медали был выполнен из меди с серебрением (40

Изобразительная Пушкиниана

шт.) и золочением (40 шт.). Пробные медали (3 шт.) были исполнены из алюминия.

Медаль «50 лет Государственному музею А.С.Пушкина». 2007

Подведём итог нашему небольшому исследованию и отметим, что город Самара внёс заметный вклад в «пушкинскую» жетонофилию. Тринадцать «пушкинских» жетонов и одна медаль, исполненных в различных металлах (мы учитываем здесь лишь оригинальные жетоны без их многочисленных разновидностей), могут стать достойным пополнением любой коллекции медалей, жетонов, значков «пушкинской» тематики.

Автор выражает глубокую благодарность большому знатоку самарских жетонов А.А. Абрашину за ценную информацию о транспортных и пушкинских жетонах.

Александр Фалин

Неистовый Моор иллюстрирует Пушкина...

Русский художник, неординарный мастер графики Дмитрий Стакиевич Орлов (1883, Новочеркасск – 1946, Москва) широко известен как Д. Моор. Этот псевдоним он принял на заре творческого пути, когда работал в московском журнале «Будильник», тем самым созвучивая свой характер и свои устремления с увлекшим его «неистовым романтиком» Карлом Мором – главным героем драмы Фридриха Шиллера «Разбойники».

Природный талант позволил ему, не получившему специального образования, стать не только профессиональным художником, неординарным мастером графики, карикатуристом, шаржистом, но и блестящим педагогом – он воспитал таких мастеров как, Кукаринцы, А.М. Каневский, В.Н. Горяев, Б.И. Пророков. Восторженно приняв революцию, он выбрал путь агитатора, явившись одним из основоположников советского политического плаката (вспомним знаменитый плакат-призыв «Ты записался добровольцем?»). Его работы всегда был на острие большевистской пропаганды – против врагов революции, против религии, против поджигателей навязываемой нам войны, а в годы Великой Отечественной

– против фашизма. И как бы ни относились теперь мы к своему «совковому» прошлому – это часть нашей истории, которая имела место быть со всеми своими свершениями и политическими извращениями.

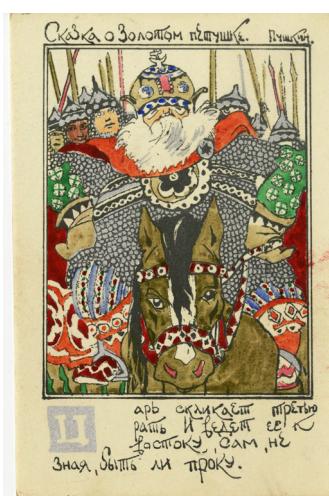
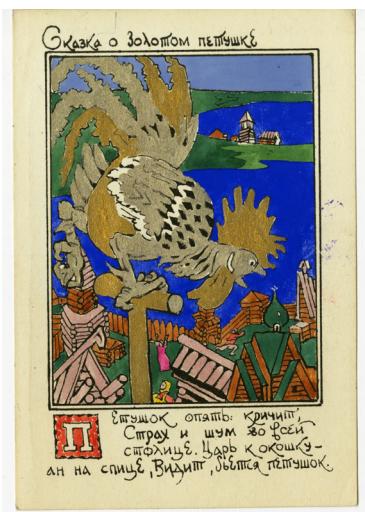
Казалось бы, причем здесь Пушкин? Но... Но талант Моора был исключительно многогранным – в такой краткой характеристике обо всем не расскажешь, но его обращение к Пушкину случайностью не было: на протяжении многих лет он уделял большое внимание работе над книжной иллюстрацией. Обратившись в 20-х гг. к рассказу А.С. Серафимовича «Бунт», а затем к рассказу Г.И. Успенского «Власть земли», Моор вырабатывает свои принципы книжной иллюстрации, предпочитая самому делать макет будущей книги. В 30-е гг. художник иллюстрировал произведения советской и зарубежной литературы, а в годы Великой Отечественной войны, в последние годы своей жизни, Моор создает иллюстрации к «Слову о полку Игореве», а также к «Руслану и Людмиле» и «Сказке о золотом петушке» А.С. Пушкина.

Все пушкинские иллюстрации изданы в виде открыток, а их всего пять: две – к «Руслану и Людмиле» и три – к «Сказке о золотом петушке», выпущены московским издательством «Советский график» в 1945 г.* Отличительной особенностью этих открыток является ручная раскраска, в связи с чем даже невооруженным глазом можно видеть различия в их рисунках. Несмотря на довольно значительный тираж (25 тыс. экз.) открытки эти почти не встречаются, давно став большой редкостью.

Кроме двух воспроизведимых открыток к «Руслану и Людмиле» из Интернета известны три подготовительных рисунка

* Московские коллекционеры-составители Каталога открыток (1995), выпущенных в Москве в годы Великой Отечественной войны, установили, что они изданы до окончания войны – весной 1945-го.

к поэме и черно-белый оттиск иллюстрации к финалу «Сказки о золотом петушке», оформленный так же, как и открытки к этой сказке. Можно предположить, что такой сюжет был издан в виде открытки.

Лицейская
пушкиниана

Елена Мандзилевская

Педагогический дебют

*Первый шаг – это почти все путешествие...
Ошо (индийский философ XX века)*

Первый прыжок с парашютом – адреналин, первый выход на сцену – восторг от признания зрителей. В словаре С.И. Ожегова дебют – это первое или пробное выступление на сцене, в спортивных состязаниях. Это начало шахматной, шашечной партии. Абсолютно справедливо могу сказать, что мое появление в педагогической профессии началось именно с дебюта. В лицее есть много разных традиций, одна из них – большой, яркий, значимый праздник – Пушкинский бал. Каждый год 19 октября, начиная с детского сада, воспитанники и учащиеся нашего лицея посещают это мероприятие.

Сама я занимаюсь театральной деятельностью с седьмого класса. Уже на протяжении шести лет играю в любительском театре. Когда я пришла работать в лицей, сразу рассказала о своих интересах. Мне предложили вести театральную студию, попробовать написать сценарий и организовать бал среднего звена. Ни секунды не задумываясь, я согласилась. С уверенностью могу сказать, что именно подготовка к балу, помогла мне показать себя такой, какая я есть на самом деле, потому что я ощущала себя в этом деле достаточно комфортно. Глубокое знакомство с детьми, коллегами, с лицеем произошло для меня именно тогда. Бал прошел на одном дыхании. Спасибо коллегам, которые доверили такое значи-

мое событие. Я знала, что за помощью можно обратиться к каждому. Сама технология КТД позволила реализоваться мне в разных направлениях: актерском мастерстве, сценической речи, режиссуре. На празднике чувствовалось эмоциональное единство ребят и взрослых. Так с корабля педагогического университета я попала на свой первый бал в лицее, который стал для меня новым кораблем.

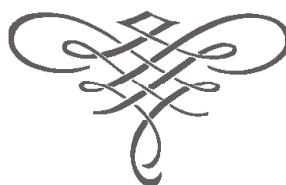
Я считаю ценным уметь совмещать, интегрировать разные виды деятельности. На примере Пушкинского бала мне бы хотелось поделиться наблюдениями о разных видах интеграции. В первую очередь это интеграция урочной и внеурочной деятельности. Мы начинаем готовить детей к балу на уроках русского языка и литературы, создавая настрой с помощью правильно подобранных материалов для урока. Я восхищаюсь продуктивностью взаимодействия с учителем рисования и танцев. Есть общие задания для всех классов. В этом году мы сделали подарочный шоколад, обертки, которого рисовали

все. Дети, радостные, прибегают со своими работами. Моя задача регулировать эти потоки и преобразовать в единое целое.

Бал – пространство взаимодействия с родителями. Каждый год проходит обучение танцам девятнадцатого века, в котором учителя, дети и родители исполняют вальс, полонез, менуэт. 4 ноября 2016 года нашему лицею исполнилось 25 лет, поэтому бал в этом году мы посвятили этой теме. Звучали произведения А.С. Пушкина, которые также являлись юбилиарами. Бал открыл сам Александр Пушкин со своими лицейскими товарищами, так как в 2016 году исполнилось 205 лет с момента открытия Царскосельского лицея.

В рамках современных стандартов образования, бал – это самый настоящий проект с материальным продуктом в виде самого праздника, фотографий и видеосъемки. Пушкинский бал не является мероприятием одного дня, это материал будущего урока русского языка или литературы. Так в этом году шестиклассники сочинили серию рассказов по впечатлениям о прошедшем бале. Получились удивительные истории, отличающиеся своеобразной композицией и богатством языка. С методической точки зрения – это опыт масштабного мероприятия, где я совершила активное восхождение в профессию.

*Французские
страницы*

Екатерина Эткинд

Подлец

Еще в Ленинграде, задолго до нашей эмиграции, у отца был автомобиль. Это были самые обыкновенные Жигули. Сейчас бы сказали «копейка». И серия у автомобиля ,был тоже самый обычный «ЛЕЦ».

Наш отец очень часто залезал под машину ,чтобы устранить мелкие неполадки. Как известно, попасть к хорошему механику, быстро, в Советском Союзе, не легче, чем к хорошему хирургу –стой в большой очереди. С каждой мелочью не настоишься –на то нет, ни денег, ни времени.

Поэтому, каждый порядочный инструктор автошколы, старается обучить своих учеников, справляться с мелкими проблемами, самостоятельно.

Однажды утром, отец, вот так залез под машину, чтобы, что-то подвинтить, или подправить. Когда он вылез, вытирая руки о тряпку, мама ему сказала: « Я теперь знаю, как назвать человека, который залез под машину, с номером «лец» «подЛЕЦ». Сказано это было, остроумно, а совсем не обидно. Родители посмеялись и поехали ставить машину в гараж. Когда вернулись домой обедать, то все это рассказали нам.

Собачий кавалер

Когда мы с родителями жили в новом районе – Дефанс, отец подарил нашей маме дивной красоты собаку, рыжую колли. Долго думали, как назвать псину. Наконец, мама сказала: – «Собачку зовут Лапа, лапочка».

Лапа была не только красивая, но умная и удивительно, деликатная. Когда Лапа гуляла по газону, все ею любовались: и люди, и собаки.

Но больше всех в нее был влюблен пес, по имени Рекс, который считал, что он овчар.

Рекс никогда не скрывал своих чувств. Наоборот, ходил за Лапой следом, глядя на нее влюбленными глазами.

Однажды он каким-то чудом узнал где живет его «влюблённая» и стал навещать ее. Так как собаки не могут достать до звонка, Рекс царапал дверь лапой. Иногда ему открывали, выпускали «невесту» на площадку и давали возможность проявить свои чувства. Но бывало, что дома никого не было, тогда «собачий кавалер» оставлял на коврике презент своей «Джульетте» и уходил. Это могли быть: косточка, рваный резиновый мячик, палочка.

Наш отец говорил: «Вот кавалер, никогда не приходит «с пустыми зубами».

Тупик свободы

Вскоре по приезде в Париж мы начали искать подходящее жилье. Родители очень хотели снять какой-нибудь отдельный домик, а не квартиру – без соседей и лишнего шума. Как сказала наша находчивая мама: «Нам чужой шум не нужен, мы свой создадим».

Однажды, мы колесили по Парижу и окрестностям и увидели из окна маленький дом с садиком. Дом сдавался.

Мы вылезли из машины и стали оглядываться. И вдруг мама позвала нас к забору. На нем был написан адрес: 1, Impasse de la liberté /Тупик свободы/.

— Нет, сказали родители, после всего, что мы пережили, этот адрес нам никак не подходит.*

Чернокожая дочь

В 1986 году, когда умерла наша мама, Екатерина Федоровна Зворыкина, и мы с отцом были в страшно подавленном состоянии, и моя сестра Маша пригласила нас приехать к ней в Канаду, встретить Новый 1987 год. Забыться, сменить атмосферу. Мы, конечно, согласились.

Была хорошая компания. Мы вместе катались на лыжах, гуляли. Там мы пробыли почти две недели. Отец должен был вернуться во Францию — у него кончались каникулы в университете. Я осталась еще ненадолго.

В день моего возвращения в Париж, в Торонто сильно похолодало, а я приехала в легкой куртке. Поэтому Маша одела на меня свое черное кожаное пальто, подбитое мехом канадского волка и черные кожаные сапоги.

Когда отец встретил меня в аэропорту в Париже, он внимательно, осмотрел меня с ног до головы, обнял и сказал, улыбаясь: «Какая у меня «чернокожая дочь».

* Напечатано впервые в сборнике Е.Эткинд. «Здесь и там». – СПб.: Академический проект, 2004.

Для тех, кто хочет понять, что мы пережили – читайте книгу Е.Г. Эткинда «Записки незаговорщика».

**Перечень иллюстраций на обложке
и вклейках**

1-я стр. обложки: Памятник А.С. Пушкину в г. Норильске.
Скульптор К. Зинич. 2011.

4-я стр. обложки: Иркутский Академический драматический театр им. Н.П. Охлопкова.

Фронтиспис: Т. Райт. Портрет А.С. Пушкина, 1836.

К стр. 44: Е. Бондарев. Портрет С.С. Гейченко. 1984.

Содержание

ПУШКИН И МЫ

A.C. Пушкин

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы.....	4
<i>Владимир Ястребов</i>	
«Славный старец наш».....	5

СИБИРСКИЙ ПАРНАС

Александр Кухно

Творчество	22
Ранимость	24
«Всё ждёшь, всё жаждешь равновесия...»	25
«Мне говорят: через утраты...».....	27
Тополь	28
Дождик.....	29
Река молчания	30
Рукавички	31

ПУБЛИЦИСТИКА

Нэля Трухина

Четыре встречи (из истории знакомства Новосибирского Пушкинского общества с сотрудниками Большого Новосибирского планетария).....	36
---	----

ГОСТЬ ПУШКИНСКОГО АЛЬМАНАХА

Людмила Тонышева

Контуры портрета	44
------------------------	----

ИРКУТСКИЕ СТРАНИЦЫ

Светлана Жартун

На сцене герои Пушкина.....	66
«Капитанская дочка»	67
«Евгений Онегин»	69

«Маленькие трагедии»	71
ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ	
<i>Геннадий Шпаликов</i>	
Три посвящения Пушкину	82
<i>Анатолий Чернышёв</i>	
Лицедею	84
«Куда уходит время...»	85
«Камин...»	85
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИИНА	
<i>Александр Громов</i>	
Самарские «пушкинские» жетоны	88
<i>Александр Гдалин</i>	
Неистовый Моор иллюстрирует Пушкина	102
ЛИЦЕЙСКАЯ ПУШКИИНА	
<i>E. A. Мандзилевская</i>	
Педагогический дебют	106
ФРАНЦУЗСКИЕ СТРАНИЦЫ	
<i>Екатерина Эткинд</i>	
Подлец	110
Собачий кавалер	110
Тупик свободы	111
Чернокожая дочь	112
Перечень иллюстраций на обложке и вклейках	113

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 23

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru
Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать 06.04.2017 с оригинал-макета
Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать
Усл. печ. л. 6,7, тираж 100 экз., заказ №